

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Павел КУВШИНОВ

ХРОНИКИ ГЕЛИНОРА.
КРОВЬ ВОИНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Мир Гелинора застыл в ожидании событий, что обещают ураганом пронестись по его пределам и разметать в пыль привычную жизнь его обитателей. Где-то там, на просторах безбрежного астрала, спрятан могущественный артефакт, который должен раз и навсегда решить исход древней войны. На его поиски отправятся трое наемников, выполняя условия необычного контракта. Они и сами окажутся в сферах интересов могущественных сил, ведь один из троих может стать ключом ко всему. Тот, в чьих жилах течет Кровь Воинов.

Павел Кувшинов

Хроники Гелинора. Кровь Воинов

Подземный ход петлял и извивался, раздваивался, а порой и разветвлялся на множество разных тоннелей. Лишь опыт ориентирования в подобных лабиринтах давал шанс идущему не заблудиться в этой запутанной подземной системе. В противном же случае смельчак, рискнувший бросить вызов подобной трудности, попросту добавил бы свои останки к многочисленным костям, обильно устилавшим пол то там, то здесь.

Странник определенно имел подобный опыт – он уверенно двигался вперед, останавливаясь лишь на разветвлениях пути. Тогда он опускался на колени и замирал, вслушиваясь в тишину, которую нарушали лишь его шаги да монотонное потрескивание его же факела. Уже спустя короткое время странник поднимался и уверенно направлялся в один из проходов.

Он следовал подземными тропами уже неделю. Припасы в заплечном мешке кончались, их оставалось не более чем на один привал, но их хозяина это нисколько не волновало. Высокая статная фигура с широкими плечами была закутана в плотный черный балахон с капюшоном, надежно скрывающим голову, света же факела было недостаточно, чтобы осветить лицо. На запястьях у неизвестного красовались кожаные перчатки – черные, как и балахон.

Незнакомец умел передвигаться бесшумно и незаметно. Об этом говорили его движения – плавные, едва различимые. Казалось, что он не шагает, а плывет в воздухе, левитируя над землей – фигура продвигалась быстрым шагом, но подол балахона, свисавшего до пят, даже не колыхался. Странник мог быть шпионом или наемным убийцей, а быть может, он относился к какому-то тайному культу, что обучают своих адептов подобным навыкам. Кем бы ни был этот путник, он самозабвенно продолжал идти к одному ему ведомой цели.

Между тем подземный тоннель заметно расширился, он перестал петлять и стал идти под небольшим уклоном вниз. Незнакомец остановился, облегченно вздохнув. Он достал из-за пазухи странный предмет, отдаленно напоминающий компас. Вот только стрелок у этого приспособления было на порядок больше. Одна из них, как и в обычном компасе, показывала направление на север, другие же выполняли неизвестные функции. Зеленая стрелка едва заметно подрагивала, тогда как желтая вертелась словно бешеная, лишь иногда останавливаясь и указывая то вправо, то влево. Четвертая стрелка была черной и оставалась совершенно недвижимой. Но именно она интересовала странника больше остальных.

Пройдя еще около сотни шагов, путник остановился: черная стрелка его устройства завибрировала, сменив свой цвет на белый и издав при этом едва слышимый свистящий звук. Это могло означать только одно – впереди была западня.

За неделю странствий в этих темных тоннелях незнакомец обезвредил не одну ловушку, но все они были примитивными, вроде выскакивающих из пола шипов или сдвигающихся стен. Он обезвреживал их без особого труда и продолжал движение. Сейчас же впереди его ждала ловушка гораздо более серьезная. Сюрприз, оставленный опытным чародеем.

Странник скинул наземь заплечный мешок и достал из его бокового кармана несколько разноцветных склянок. Затем, вынув оттуда же короткий нож, принялся чертить им на полу замысловатую фигуру с множеством углов и пересекающихся линий. Закончив свои художества, незнакомец вонзил нож в самый центр фигуры и стал поочередно выливать

прямо на нож содержимое всех склянок. Сталь зашипела, и клинок начал плавиться.

Фигура в балахоне стала раскачиваться из стороны в сторону, и грубый басовитый голос произносил слова заклинания на непонятном языке. Голос этот был властный, повелевающий. Казалось, что от его звуков взволновался сам воздух. В шаге от фигуры, читавшей заклятие, стены подземного прохода быстро покрывались ледяной коркой. Слова незнакомца гулким эхом отражались от сводов тоннеля, и с каждым новым словом, пронзавшим тишину, ледяной слой становился все толще.

В какой-то миг лед с одной стены потянулся к своему собрату на противоположной стене. Это было поистине завораживающее зрелище. Лед, словно змея, полз по воздуху, извиваясь всем телом. Он утолщался и вытягивался, а от его холодного тела в воздухе расходились ледяные нити, которые уверенно цеплялись за пол и потолок.

Наконец ледяной змей дотянулся до противоположной стены прохода, которая уже была во власти ледяного создания, и оба они застыли в безмолвном нерушимом объятии, а нити льда, исходящие от их соединившихся тел, заполнили собой все оставшееся пространство.

Перед странником сформировалась сплошная ледяная стена, и он поспешил выкрикнуть последнее слово заклятия. Как только фигуру в балахоне окружило пламенное облако, заключив ее в подобие кокона, незнакомец прыгнул сквозь лед.

Шум, треск, шипение и высокий звук, словно звериный вопль, заполнили своды подземного тоннеля. Балахон на страннике загорелся в нескольких местах, и он поспешил затушить язычки пламени. Ледяная стена рассыпалась на мелкие кусочки, выполнив при этом свое предназначение. Магическая ловушка была обезврежена.

Отряхнувшись, путник двинулся дальше. Однако на этот раз удача изменила ему. Не успел сделать и пары шагов, как пол под ногами разверзся, и он полетел вниз.

Ветер свистел и беспощадно трепал черный балахон. Суровая стихия затушила факел, оставив падающего в крошечной тьме, и сейчас настойчиво пыталась сорвать с пришельца капюшон.

Незнакомец выкрикнул заклинание на все том же непонятном наречии, и колодец, куда он падал, осветился мутно-желтым сиянием. Он имел в поперечнике форму квадрата, при этом одна из стен была заметно испещрена внушительными трещинами. На дне же колодца виднелись торчащие вверх острые колья. Много кольев. И он приближался к ним с большой скоростью.

Незнакомец стукнул левой ладонью по правой руке, и из спрятанного в рукаве самострела вылетел болт, вонзившись в ту самую стену с трещинами. За болтом разматывалась прочная веревка-трос. Схватившись за нее двумя руками, незнакомец резко рванул тело навстречу стене, и та не выдержала столкновения. Он вылетел в образовавшуюся брешь и, сложившись всем телом, устремился вниз, где его цепкий взгляд уже заметил ярко-лиловый водоем...

Через некоторое время незнакомец уже сушился на зеленом берегу. Удивительно, что здесь, на такой глубине, росла зеленая трава. Нет, не просто росла, а устилала землю настоящим изумрудным ковром. Лиловая же вода, что капала сейчас с его капюшона, незнакомца, напротив, нисколько не удивляла. Водоемы такого цвета ему видеть уже доводилось.

Немного переведя дух и обсохнув, странник осмотрелся. Это было странное место, и оставалось лишь догадываться, кому в голову могла прийти мысль создать такое чудо.

Вне всяких сомнений, это был подземный город, причем весьма и весьма необычный.

В самом его центре высилась трехгранная пирамида, вот только стояла она кверху основанием, опираясь на острую вершину. Удивительно, но конструкция не только держалась в таком положении не падая, но еще и вращалась с приличной скоростью вокруг своей оси, словно юла. В перевернутой пирамиде имелись сразу несколько входов, по двум на каждую грань – у основания, которое служило ей крышей, и в верхнем ярусе, на котором она стояла.

Не менее странным было и все остальное в этом месте. Здесь были и крошечные дома в форме объемного ромба, и довольно высокие здания с поражающей воображение ломаной геометрией. Были здесь также и овалы в плане башни, конусовидные колонны, подпирающие собой многогранные выпуклые плиты. Кроме того, повсюду из земли торчали большие округлые, без единой грани кристаллы, светившиеся мягким солнечным светом, отчего в подземном городе было светло почти как на поверхности.

Не менее причудливыми были и жители, населявшие это место. Каждый из них представлял собой результат чьего-то большого воображения, решившего скрестить представителей мира насекомых с людьми. Их было очень много, они сновали между строений, выглядывали из окон, а некоторые летали по воздуху, лавируя между крышами и стенами.

Когда странник поднялся, намереваясь направиться в глубь города, к нему подлетела муха. Величиной она была с доброе яблоко, а вместо фасетчатых глаз имела человеческие лица. Сотни, если не тысячи человеческих лиц. Мужские, женские, лики стариков и личики младенцев.

Муха зависла перед незнакомцем, и все лица на ее голове вперили свои взгляды под его капюшон. Неожиданно воздух прорезала настоящая какофония голосов. Одни из лиц дико закричали, другие осыпали незнакомца громкими проклятиями на разных языках, третьи разразились истеричным хохотом, четвертые же плакали навзрыд. Незнакомец в балахоне отмахнулся от мухи: гомон голосов, издаваемый необычным насекомым, резал слух.

Муха отлетела в сторону, увернувшись от руки в черной перчатке, и ее многоголосье оборвалось так же неожиданно, как и началось. Муха совершила в воздухе головокружительный кульбит, совсем не характерный для этого насекомого, и устремилась прочь от вторгшейся в их город личности. Прямо к перевернутой пирамиде.

Что ж, теперь хозяин этого места узнает о вторжении в свои владения. Незнакомцу нужно было спешить. Ведь цель его была уже близка.

Глава 1

Начало пути

Красноперая стрела пронзила небольшой деревянный щит, и, вырвав его из тонкой руки, пригвоздила к толстому стволу дерева. Запястье левой руки, что держала щит, хрустнуло, и гоблин опрометью бросился бежать, бросая в сторону противника самые черные проклятия из числа тех, что он знал.

Второй гоблин сделал попытку обойти человека со спины. Молодой воин отпотчевал его сильным ударом кулака – снизу вверх в челюсть. Гоблин со стоном осел на траву и, не поднимаясь, пополз прочь. Еще одному гоблину стрела противника сбила шлем, опрокинув его наземь. Вскочив на ноги и отбросив в сторону свой короткий меч, гоблин поспешил присоединиться к убегающим товарищам.

Теор – так звали сражающегося человека – не убивал гоблинов, стараясь лишь обратить их в бегство.

Против молодого воина осталось полдюжины противников. Среди них Теору не составило труда определить вожака. Хорошо экипированный по меркам бродячих разбойников, коими являлись большинство гоблинов, он был на голову выше остальных. В плотном, хотя и явно не по размеру подобранном кожаном доспехе, стальном шлеме, который когда-то имел отсутствовавшее сейчас низкое забрало, и широких сапогах, неуклюже обшитых мехом.

В правой руке вожак сжимал булаву с длинной тонкой рукояткой – любимое оружие гоблинов, особенно тех, что сражались под началом своих старших братьев-орков. В левой же руке он держал небольшой круглый щит из каленой стали. Такие получали мальчишки, прошедшие первый год обучения в военной академии. Откуда гоблин взял такое снаряжение, оставалось лишь гадать.

Вожак ослабил, обнажив ряд неровных, но острых желтоватых зубов, и отдал молчаливый приказ своим сородичам, поочередно указав булавой в обе от человека стороны. Гоблины окружали молодого воина, стремясь взять его в кольцо. Теор усмехнулся. Несомненно, при превосходящем количестве нападающих применение подобной тактики вполне разумно. Более того, взятию в кольцо посвящено немало страниц в любом трактате о военной тактике. Но гоблины двигались слишком медленно, с явной опаской, не переставая коситься на черный лук своего противника.

Молодой воин подпустил ближайшего к себе гоблина на удобное расстояние и быстрым, без длинного замаха, ударом ноги опрокинул того на землю. Резкий рывок влево – плечо лука свистнуло, рассекая воздух подобно клинку – и на землю повержен еще один противник.

Один из гоблинов оказался расторопнее своих незадачливых товарищей. Коротким широким мечом, оба лезвия которого, похоже, давно уже позабыли, что такое заточка, гоблин метил Теору в грудь. Человек отпрянул вбок, отводя в сторону руку противника левым предплечьем, – меч бесполезно пронзил воздух, вторым движением Теор ударил ногой гоблина в живот. Зеленокожий разбойник согнулся пополам, еще удар – и он падает, прижимая ладонь к разбитому носу.

Еще у одного из гоблинов, по-видимому, совсем сдали нервы. Швырнув прямо в Теора небольшую дубинку, окольцованную у навершия парой стальных круглых скоб (молодой воин

без труда отбил ее луком), ринулся на него, оскалив зубы и размахивая при этом руками. Теор, без каких-либо затей, увернулся от бегущего гоблина и выполнил простую подсечку. Потерявший самообладание гоблин еще только падал, не коснувшись земли, а молодой воин уже выхватил из колчана стрелу и послал ее в одного из оставшихся противников.

Стрела пробила гоблину плечо почти навывлет, и тот буквально отлетел в сторону на пару шагов и рухнул на землю. Бедняга истошно завизжал, уставившись на древко стрелы с красным оперением, торчащее из его окровавленного плеча.

Последний оставшийся в строю гоблин сражаться не стал. Несомненно, он привык грабить габаритных и одышливых, а главное – беспомощных купцов, и сейчас идея сражаться с противником, который мог одним выстрелом если не убить, то как минимум покалечить, ничуть его не вдохновляла. Выругавшись, в отличие от первого из нападавших гоблинов, на непонятном наречии (тот-то как раз проклинал ненавистного человека на общепринятом на всех четырех континентах языке), развернулся и трусцой засеменил в лес. За ним последовали и остальные, в большинстве своем потрепанные гоблины. Теор не препятствовал.

На небольшой поляне кроме молодого воина остался лишь вожак.

– Слабаки, – зычно процедил гоблин сквозь зубы.

– Не поздно еще присоединиться к ним. – Теор махнул рукой в сторону последнего из гоблинов, скрывшихся в лесной чаще. Хотя он полагал, что потеря своего «воинства» вожака мало заботила.

– Н-не-эт... – скорее прорычал, чем сказал гоблин.

Теор оказался прав. Теперь ему предстояло узнать, на что способен главарь ретировавшихся разбойников.

Для опытного воина, коим в полной мере и являлся Теор, гоблины не были серьезными противниками. Однако подобные стычки навевали воспоминания о времени, проведенном в академии, и потому он их никогда не избегал...

Ему тринадцать зим от роду, он выходит на песок, которым обильно посыпан бойцовый двор. Против него один противник, иногда группа. Дрался он не только с ровесниками, но и с учениками на курс и два его старше. Не раз и не два за время обучения он падал лицом в песок, выходил из тренировочных спаррингов с разбитым носом или губой, или с синяком под глазом. Но несмотря ни на что, всегда входил в тренировочный круг с неподдельным азартом.

С тех пор пройдено сотни боев, уже настоящих, когда ты можешь лишиться жизни из-за одного неверного движения. И из каждого боя Теор выходил с высоко поднятой головой, практически не зная поражений. Но при этом никогда не уповал на свое превосходство над кем-либо. Он относился к сражениям с рьяной симпатией – это да. Он любил сражаться, он жил этим. Но позволять себе недооценивать даже самого слабого на вид противника не смел, считая это чем-то не столько неразумным, сколько недопустимым или даже отвратным.

Гоблин медленным шагом двинулся к Теору, прикрываясь щитом, готовый в любой момент отбить пущенную человеком стрелу. Теор мешкать не стал, решив при этом не тратить стрелы.

Он кинул в гоблина свой лук, подобно заправскому ассасину, метаящему смертоносные стальные звездочки. Вожак ожидал чего угодно, но только не такой неординарной атаки, и лишь в последний момент успел-таки отбить черный лук щитом. Его короткого замешательства хватило Теору, чтобы сделать задуманное. В два широких шага он оказался

возле вожака, ухватившись обеими руками за края стального щита, и стал заваливаться на бок, увлекая за собой гоблина и выворачивая щит из его рук. Кувырок – и Теор, выпрямившись, отбросил ненужный ему щит в сторону и, подобрав свой лук, встал в боевую позу.

Откатившийся в сторону и наполовину разоруженный гоблин медленно поднялся. В правой руке он все еще сжимал рукоять булавы и вновь медленно двинулся на Теора. Человек, не став поражать противника на расстоянии своими стрелами, давал понять, что приглашает своего визави на рукопашный бой. Гоблин принимал вызов. Пока что.

С рыком, достойным свирепого орка, вожак заработал булавой. Оружие было облегчено: видимо, специально под небольшое запястье гоблина. Рукоять тонкая и длинная, металлический шар-навершие довольно небольшой, что компенсировалось десятком костяных трехгранных шипов, крепившихся к шару булавы четырьмя металлическими скобами каждый. Такие вот гоблинские булавы в империи в шутку называли «розами».

Булава проносилась в опасной близости от Теора. Да, гоблин определенно умел сражаться. Атаковал резко, быстро, без лишних замахов. Но попасть по своему противнику не мог. Теор уклонялся от каждого удара, убирая тело с линии атаки за считанные мгновения до того как булава бесполезно рассекала воздух, не встречая преград, но и не достигая цели.

В очередной раз увернувшись от удара гоблина – булава прошла рядом с левым плечом, – Теор без замаха сильно ударил луком гоблина под ребра, и вторым ударом выбил из правой руки противника оружие. Гоблин, рыча, отступил на несколько шагов и, нагнувшись, вытащил из сапог пару метательных ножей. Однако реакция Теора не оставила его и сейчас. От первого ножа, что метнул гоблин, молодой воин просто увернулся, второй отбил плечом лука.

Потерпев неудачу, вожак вытащил откуда-то из-за пазухи, где, видимо, таились дополнительные ножны, еще два ножа. Эти были, не в пример первым, довольно длинные, и метать их гоблин уже не собирался. Он поудобнее перехватил их – по одному в руке и продолжил бой.

Гоблин ударил снизу вверх, метя ножом противнику в живот. Теор, чуть подавшись в сторону, отбил левым запястьем руку гоблина во внешнюю сторону и, одновременно ударив луком вожака по лицу, сделал резкий полушаг назад и ударил ногой гоблина по руке, выбивая при этом нож.

Однако гоблин отнюдь не спешил сдаваться, ведь у него оставался еще один клинок. Он перехватил нож правой рукой и вновь атаковал. На этот раз вожак пытался нанести короткий прямой удар в грудь. Но результат мало чем отличался от предыдущего. Теор сделал левой ногой шаг в сторону, разворачивая одновременно корпус вправо, тем самым уходя от удара. Обеими руками он захватил руку гоблина и, рванув ее на себя, вывернул кисть с ножом наружу, обезоруживая противника.

Вожак плюхнулся на землю, но уже через секунду вновь вскочил. Неужели, лишившись всего оружия, гоблин все еще надеялся разделаться с наглым человечешкой? Схватку пора было заканчивать.

Теор обрушил на противника целую серию ударов. Кулаком в скулу, ногой в корпус, кулаком в подбородок, снова в корпус, но уже луком... Гоблин выглядел уже изрядно помятым, но все еще держался на ногах. Стоило признать – он был весьма вынослив для своего племени; вожак шайки зеленокожих разбойников не уступил бы по выносливости иным из людей. Но до старших братьев-орков в этом отношении ему, конечно, было далеко.

В конце концов, чувство самосохранения таки перевесило все остальное, и гоблин, не поворачиваясь к противнику спиной, попятился в лес, среди деревьев которого совсем недавно скрылись его сбежавшие товарищи.

– Мы еще встретимся, – напоследок, словно змея, прошипел гоблин.

– Всегда готов, – отозвался Теор, закидывая лук за спину.

Он вернулся к обозу, полному товаров, за которым прятался испуганный купец.

– Уже все? – робко поинтересовался он у подошедшего воина, осторожно выглядывая из-за тяжело груженной телеги.

– Все, все, – заверил его Теор.

– А где эти-то? – спросил купец, вертя головой: по-видимому, высматривая живых или мертвых гоблинов.

Купец был низкого роста, широк в плечах, со щек его большого круглого лица почти никогда не сходил легкий румянец. И он имел весьма экзотическое для Серединного континента имя – Марго.

– Ты что же, ожидал здесь увидеть гору зеленокожих трупов? – Теор прибавил голосу напускного возмущения. – Не в правилах гильдии убивать тех, кто намного слабее тебя. Такие убийства не делают чести наемнику.

Конечно, Теор лукавил. Гильдия наемников не запрещала убийства разбойников и головорезов, тем более если они нападали на лицо, подписавшее контракт с наемником на предмет своей защиты. Нет, этот принцип он усвоил благодаря отцу. «Если можешь пощадить противника – так и сделай, – говорил тот. – Пусть душа его покоится с миром».

– Нет... думаю, что нет, – пролепетал Марго, выходя из-за телеги. В правой руке он сжимал короткий кинжал.

– Неужто собирался пустить его в ход? – на этот раз вполне искренне удивился Теор. Купец не был похож на человека, способного постоять за себя.

– Тоже нет... это... на всякий случай, – сглотнув, пояснил Марго.

– Так, стало быть, ты решил, что кучка гоблинов в состоянии справиться с наемником моего ранга? – Теор вовсе не намеревался запугать купца до полусмерти, но, похоже, делал сейчас именно это – торговец дрожал как осиновый лист.

Наемник решил ослабить хватку и не мучить более своего незадачливого нанимателя, поэтому, когда Марго судорожно замотал головой и промямлил что-то неразборчивое, Теор заверил торговца, что все в порядке, и дружелюбно похлопал его по плечу.

– Собирайся, уважаемый Марго. До заката еще успеем много пройти, – добавил ободряюще.

Наемник Теор и его наниматель держали путь в город Хартинг.

Пиво стекало по густым усам гнома, сидевшего за столом.

– Все-таки ты невоспитанная свинья, Гард! – Фыркнув, Филда отвернулась от гнома.

– Ой-ой! Какие вы, люди, нежные! – После этих слов Гард вытер мокрые усы рукавом и залпом осушил бокал, а затем уже другим рукавом повторно вытер усы. – Ну что, довольна? – Гард выразительно посмотрел на свою собеседницу.

– Сойдет, – нехотя бросила чародейка.

– Вот и славно. – Гард улыбнулся и похлопал себя по брюху. – Надо бы еще пива заказать, – пробормотал он, вертя в руке пустую стеклянную кружку.

– Хватит пить! – Филда ударила кулаком по столу, и кружка в руках Гарда треснула у

основания.

– Эй-эй! – Гном завершал, словно испуганный ребенок. – Филда, оставь свои чародейские штучки при себе! А то ведь я могу и за рукоять своей секиры взяться.

– Только попробуй! – Глаза Филды буквально метали молнии.

– Ладно-ладно, я пошутил... – Гному казалось, что взгляд чародейки прожигает его насквозь, поэтому он поспешил свести на нет разгоравшийся было конфликт.

– Так-то лучше. – Филда кивнула, и взгляд ее заметно прояснился. – Ты все-таки невыносим, – добавила чародейка для порядка.

– Как ты стала такой занудой? Нельзя же на все вокруг смотреть с такой серьезностью. А то, гляди, лопнешь когда-нибудь от вредности. Пуф! И нет нашей Филды! – Довольный своей шуткой, Гард рассмеялся и энергично почесал бороду.

– О, Творец, дай мне сил сдержаться, чтобы не убить этого гнома!

– Будет тебе, – отмахнулся гном. – Я смерти не боюсь. Вот если ты меня в осла превратишь, например, вот это будет страшно! Или в барана. На крайний случай в свинью. – Гард широко улыбнулся и вновь почесал бороду.

– У тебя что, блохи? – язвительно спросила его Филда, прищурив глаза.

– Нет, конечно. Что за вздор! С чего ты взяла? – Гард раздраженно забарабанил пальцами по столу.

– Отчего же ты тогда все время чешешься? – Филда подняла брови в выразительном жесте.

– Я... того... нет у меня никаких насекомых в бороде, ясно?! – Гном скрестил руки на груди и нахмурился.

– Не злись, я пошутила. – Филда широко улыбнулась.

– Люблю, когда наша грозная и не в меру серьезная чародейка улыбается. – Гард сразу же повеселел. – Вот только про блох не шути так больше! А то я поседею раньше времени. Мы, гномы, серьезно относимся к таким вещам...

– Может быть, перейдем уже к делу? – перебила собеседника Филда.

– Согласен, – кивнул гном. – Ты принесла?

– Вот, твоя доля. – Филда достала из кожаной наплечной сумки внушительного вида мешочек и положила его на стол.

– Сколько здесь? – спросил Гард, в то время как пальцы его уже развязывали мешок.

– Пятьсот золотых. Это задаток. Еще тридцать тысяч мы получим после выполнения контракта.

– Лопни мой живот, по десять тысяч на каждого! – Пересчитав содержимое мешка, Гард тщательно завязал его, а затем спрятал за пазухой. – Мы за год столько не получали.

– Да, но работа будет длительной, трудной и... необычной.

– Итак, – Гард подался вперед и положил руки на стол, – насколько я понял, мы ищем некий артефакт, о котором говорится в легендах. Мы не знаем, что это за артефакт и где он может находиться, а наш наниматель пожелал остаться неизвестным. Поправь меня, если я что-то упустил.

– Мы знаем название древнего манускрипта, в котором говорится о нужном нам артефакте. В остальном – да, все верно, – согласилась Филда. – А что касается нанимателя, то это анонимный контракт. При этом наш неизвестный наниматель платит большие деньги. За такую сумму пускай хоть самим императором будет.

– В этом я с тобой согласен. Но с чего нам начать поиски? Раздобыть этот твой древний

манускрипт?

– Именно. Единственный в пределах нашей империи экземпляр хранится у некоего коллекционера древностей по имени Алдерик. Если верить слухам, его можно найти в Белоне. Разыщем его для начала.

– Звучит разумно. Попробую расспросить торговцев из Белона, что ошиваются сейчас в Хартинге.

– Хорошо. Встретимся завтра на закате в таверне «Черная Гарпия». Я сказала Теору, чтобы ждал нас там.

– Что-то я не слышу в твоём голосе радости, Филда. Он же твой брат!

Чародейка взглянула на гнома, но промолчала. В её глазах читалось явное раздражение.

Языки пламени извивались в диком танце. Серые поленья потрескивали, нарушая лесную тишину. Едва заметный дым устремлялся в просторы ночного неба. Теор смотрел на огонь небольшого костра, который сам же и развел, когда они вместе с купцом устраивались на ночной привал. Наемник размышлял о последних событиях.

Еще в детстве молодой воин полюбил вид огня. Он успокаивал, позволяя привести мысли в порядок, и в то же время завораживал, восхищал. Когда Теор был ребенком, отец часто брал его с собой на охоту. Каждый их поход в лес заканчивался ночным привалом. Отец с сыном разжигали костер и, сидя перед огнем, обсуждали их охотничьи успехи и трофеи. Нередко отец рассказывал сыну древние легенды и истории. Уже в детстве отец привил Теору любовь не только к охоте, но и к лесу, в частности. Поэтому в густой лесной чаще молодой наемник чувствовал себя как дома. И впоследствии это не единожды спасло ему жизнь.

Теор взглянул на Марго. В десяти шагах от наемника тот тщательно проверял крепления повозки. Будучи свободным торговцем, он направлялся в Хартинг, чтобы доставить туда очередную партию товаров из небольшой фермерской деревни, что располагалась близ Торинда. Пару дней назад возле Восточного тракта, соединяющего города Квилар, Торинд и Хартинг, а также близлежащие к ним деревни, была замечена группа гоблинов. Гоблины трусливы и никогда не нападают на вооруженного человека, а вот на одиноких торговцев, не обученных сражаться, они совершают регулярные нападения, поджидая их караваны возле дорог. Поэтому торговцам зачастую приходится нанимать для защиты наемников, которые сопровождают их в пути.

Ужасная работа для опытного воина, тем более что из-за скупости торговцев и награда всегда небольшая. В любой другой ситуации Теор даже не стал бы рассматривать предложение Марго, но так как он и сам направлялся в Хартинг, то согласился сопроводить торговца до города.

Молодой воин уже и сам не помнил, как оказался в той фермерской деревне. Кажется, хотел отдохнуть от пяти лет непрерывного наемничества. Вот только как ему пришла в голову тогда эта мысль? Его тело не нуждалось в отдыхе, а дух не был сломлен, в жизни не случалось значимых переживаний, а неудачи не посещали Теора на протяжении всего срока его бурной карьеры. «Воля судьбы или Божий промысел», – сказал бы какой-нибудь святоша. Теор не был набожен, хотя вполне допускал существование Высших сил.

«Высших» с большой буквы.

В его же семье верили в Творца, некую высшую форму бытия, что и создала весь известный нам мир. Быть может. Теора мало интересовала идея развития или опровержения

этой теории. Она, в его понимании, была ничем не хуже других.

Как бы то ни было, он все же оказался в той небольшой деревне. Ее населяли добрые, чистые помыслами люди, что было в пределах империи большой редкостью. Они занимались животноводством и земледелием. Кроме того, в этой самой деревне было отделение гильдии наемников. Совсем крошечное, располагавшееся в жилой избе, с находящимся в ней одиноким секретарем, низким коренастым парнем. От него-то Теор и узнал по прошествии нескольких дней пребывания в деревне, что наемника разыскивает его сестра. Ищет вовсе не для того, чтобы обнять и поинтересоваться, как поживает ее братец. Как поведал секретарь, она хотела предложить брату совместное исполнение группового контракта гильдейского уровня.

Сестру Теор не видел вот уже восемь лет. Он знал, что она, так же как и он, стала наемником, но их пути никогда не пересекались. Теор любил свою работу, и предложение о выполнении контракта наивысшего уровня было для него более чем заманчиво. Но в большей степени, пожалуй, Теора интересовала возможность пообщаться со своей старшей сестрой, чем сам контракт.

Филда. В детстве они с ней недолюбливали друг друга и, хотя виделись крайне редко, умудрялись постоянно ссориться.

Брат и сестра, они родились в столице империи Гелинор, городе Канорин, с разницей в четыре года. Их отец состоял на службе у императора и обучал ополченцев обращаться с луком и арбалетом, а их мать была магессой и преподавала стихийную магию в имперской магической академии. Поэтому особого выбора у детей не было: как только Теору исполнилось десять лет, его отдали в военную академию, а сестра была вынуждена учиться в магической академии, хотя сама она этого не хотела. Филде было суждено стать магессой и в будущем служить совету архимагов, а Теору – пополнить ряды имперской армии.

Но у судьбы были другие планы. Их родители погибли на войне с орками, и уже через год Филду исключили из академии за «особо опасные магические опыты», после чего инквизиция выслала ее за пределы столицы. С тех пор Теор с сестрой не виделся.

Его несколько не удивляло, что Филда, как и он сам, стала наемником. После разорительной войны с орками место погибшего императора занял его сын, который, не теряя времени, установил, а со временем и ужесточил свою тиранию. С тех самых пор людей на территории империи заставляли выбирать, будут ли они служить императору либо примкнут к одной из гильдий. Исключение составляли лишь крестьяне некоторых отдаленных деревень, связь которых с империей ограничивалась лишь тем, что они регулярно платили налоги императору. Неудивительно, что система гильдий стала процветать в империи.

Гильдии ежегодно уплачивали определенную сумму золотых в казну империи и были вольны в своих действиях, за исключением тех, чья деятельность противоречила имперским законам. Спустя три года после войны в империи насчитывалось уже более тридцати видов гильдий. Самыми востребованными из них были гильдии торговцев, врачей и наемников. Учитывая обучение Теора и его навыки, полученные в академии, он вряд ли смог бы стать хорошим торговцем или врачом, равно как и членом какой-либо другой из гильдий, кроме наемников, и выбор был для него очевиден. Его сестра, он полагал, стала наемником по схожей причине.

Император не оказывал помощь ни одной из гильдий, так же как не оказывал помощь своим подданным в тех ситуациях, в которых, как он считал, его вмешательство не

требовалось. В империи процветали воровство и убийства. Ходили слухи, что воры и разбойники даже основали свою гильдию. Учитывая сложившуюся ситуацию, наемники в Гелиноре без работы не оставались. Всегда находились люди, готовые заплатить гильдии за решение определенных проблем...

Размышления Теора прервал голос Марго. Светало, и им пора было отправляться в путь. На закате следующего дня у наемника была назначена встреча в Хартинге с Филдой и ее напарником, гномом по имени Гард.

Иссохшие пальцы уверенно сжимали длинную деревянную трость. Она, эта трость, многое повидала в жизни – ничуть не меньше, чем ее хозяин. Когда-то давно в ней была *жизнь*. В трости был заключен могущественный древний дух, что делало ее подобной живому существу.

Уникальный артефакт. Артефакт, который хотели заполучить очень многие, и каждый из них готов был убить всякого, кто помешает завладеть уникальной вещью. Но все это в прошлом, и сейчас это была лишь длинная деревянная палка. Однако он не расставался с ней. Не столько из-за ностальгии и памяти о былых годах, сколько из-за необходимости поддерживать свое старое тело при ходьбе, ведь каждый шаг стоил ему немалых усилий.

Он был стар, очень стар. Уже и сам не помнил, сколько ему было лет. Лишь магия все еще поддерживала жизнь в его теле. Он твердо знал, что этот год станет для него последним. Он так решил. Но, перед тем как уйти, ему необходимо было закончить одно дело, которое он начал много лет назад. Дело, что расценивалось сейчас дороже собственной жизни.

Старец шел по подземному тоннелю, опираясь на деревянную трость. Большинство факелов погасли, поэтому в тоннеле сгустился сумрак. Но он не обращал на это внимания и уверенно шел вперед. Этим ходом он пользовался бесчисленное множество раз, поэтому, даже лишившись он зрения, все равно нашел бы выход. Ему приходилось часто перемещаться под землей, а на земле – постоянно переезжать, менять внешность и имена: довольно малая плата за то, чем он занимался большую часть своей жизни. И за то, что он когда-то сделал...

Прибыв в город, старец назвал стражникам свое настоящее имя – Мартериус. До этого же в каждом новом городе он представлялся новым именем.

Нужно было уходить. Он слишком долго задержался в этом городе, да еще и проявил неосторожность, открыв тайну своей личности. Да, здесь его имени никто не знал. Оно терялось в толпе, развеиваясь по ветру, никому ничего при этом не говоря. Но были в пределах империи и те, кто его знал. Сейчас Мартериус чувствовал, что его кто-то ищет, а предчувствие его еще никогда не подводило. Кроме того, пару дней назад он получил письмо, которое не предвещало ничего хорошего.

Оказавшись наконец внутри своего скромного жилища, Мартериус понял, что был здесь не один – похоже, кто-то проник в его дом. Старик положил трость на стол и, взяв зажженную лампу, направился в глубь дома. Он медленно приоткрыл дверь и вошел в комнату.

Здесь была его лаборатория. В этой небольшой комнатке он варил зелья, работал с различными ингредиентами и минералами, расшифровывал древние свитки. Возле алхимического стола, что занимал треть всей комнаты, стоял неизвестный. Вторгшийся в его жилище был облачен в длинный, до пят, широкий черный балахон с капюшоном. Капюшон скрывал большую часть головы, на лице же красовалась маска в виде головы неизвестной птицы с острым вытянутым клювом. Нельзя было определить ни расу незваного гостя, ни его

пол.

– Наконец-то. Я ждал тебя. – Голос незваного гостя был абсолютно бесцветным, лишенным каких-либо эмоций.

Мартериус сразу понял, что голос изменен с помощью магии. Перед ним стоял сильный чародей, весьма сильный. Мартериус чувствовал это, ощущал его большую магическую силу. От нее у старца заныли все старые раны, полученные в многочисленных магических поединках. Таких сильных чародеев он давно не встречал.

– Кто ты? – Голос Мартериуса звучал уверенно, однако сам он немного нервничал, ибо понимал, что, если дело дойдет до драки, незнакомца ему не одолеть.

– Тебя не должно это беспокоить, старик. – Незнакомый стоял абсолютно неподвижно, скрестив руки на груди.

– Чего же ты хочешь? Убить беспомощного старца? – Мартериус поставил лампу на стол и, подвинув к себе высокий деревянный стул, сел на него.

– В твоей смерти не будет проку. Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – Мартериус усмехнулся. – И чем же я могу тебе помочь?

– Ты получил мое письмо. – Незнакомец говорил все тем же бесцветным голосом, нельзя было даже понять, задает он вопрос или утверждает.

– Я подозревал, что автор письма скоро объявится. Но я не ожидал, что так скоро. Хотел ускользнуть из города по-тихому. – Мартериус широко улыбнулся, разведя руки в стороны. – Как видишь, не успел. То, о чем ты написал... это невозможно.

– Ты врешь. Я прекрасно осведомлен о том, кто ты и на что способен. К тому же ты единственный на этом чертовом куске суши, зовущемся материком, кто был по ту сторону портала, и знаешь, как его открыть.

– Это дела прошлого, – старик закрыл глаза и тяжело вздохнул, – сейчас я стар и слаб. Я почти что мертв.

– Тем не менее твоя магия по-прежнему поддерживает дух в этом смертном теле. Ты ведь не закончил свое дело. Дело, начатое тобой много лет назад на Восточном континенте.

– Откуда ты знаешь?! – вскинулся Мартериус, сжав кулаки. – Во имя Великого Дракона, кто же ты такой?

Мартериус попытался проникнуть в разум незнакомца, установить связь с его сознанием, но после первой же попытки его обдало холодным потом, и он беспомощно отступился. За многие столетия своей жизни он никогда не видел таких мощных и искусно наложенных защитных заклинаний. Даже в былые годы он не смог бы проникнуть в разум незваного гостя.

– Я же сказал, что все про тебя знаю, Мартериус Атарум. И я знаю, где находится то, что ты ищешь.

– Я не верю...

– Мне нет смысла лгать тебе. Я действительно могу помочь в твоих поисках. Более того, я знаю, где она сейчас. Взамен ты должен сделать то, что я указал в письме.

– Тебе известно, где находится сейчас точка входа в портал? – Мартериус встал и приблизился к незнакомцу. В его глазах появился ранее отсутствовавший блеск. Ради *нее* он в свое время сделал то, за что *она* его так и не простила. «На что я готов теперь, чтобы найти *ее*?» – спрашивал он себя. – «На все!» – отвечал себе же.

– Да. Завтра утром я пришлю карту. К закату ты должен будешь отправиться в путь.

– Хорошо. Я сделаю то, о чем ты просишь.

– Не подведи меня и сможешь наконец завершить свои поиски. Даю тебе слово.

Незнакомец не сделал ни единого движения: его тело просто растаяло в воздухе, оставив Мартериуса одного в опустевшей комнате.

Глава 2

Василиск

Колонна из торговых повозок, наполненных товарами, вместе со своими владельцами уныло тянулась по каменному мосту, который возвышался над глубоким широким рвом, что отделял со всех сторон от внешнего мира город Хартинг. Они медленно, но уверенно приближались к главным городским воротам. Последней преградой на пути уставших путников была городская стража, охранявшая главные ворота – вход в город.

Каждому торговцу по прибытии в Хартинг надлежало уплатить пошлину страже, чтобы везти свои товары в город. Как правило, главные ворота охраняли минимум трое представителей стражи. Сегодня же их было только двое.

Двое крупных стражников стояли с алебардами наперевес, встречая прибывающих торговцев. У каждого из них они дотошно проверяли документы на товары, содержимое повозок и конечно же взымали положенную пошлину. Любое нарушение правил торговли, установленных главой города, грозило торговцу штрафом, который уплачивался в городское казначейство. В случае отсутствия, например, одной из семи необходимых печатей на торговой грамоте торговец лишался еще нескольких золотых монет, которые шли уже не в городскую казну, а в карман стражникам. Те, в свою очередь, закрывали глаза на имеющиеся нарушения. Таким образом, взятка освобождала торговца от долгой бумажной волокиты, с которой он сталкивался в случае уплаты штрафа в городском казначействе.

Теор с Марго замыкали колонну, которая в этот раз казалась гораздо длиннее, чем обычно.

– Цены на продукты подскочили в городе. Вот торговцы с деревенским товаром и стекаются сюда. Овощи, молоко и масло сейчас просто нарасхват, – сказал наемнику купец, сопровождая речь активной жестикуляцией.

Наконец очередь дошла и до них. Один из стражников широко улыбнулся, увидев Теора. Его звали Нолт, он был старым знакомым молодого наемника. Когда-то Теору довелось дважды спасти бравому стражу жизнь. Нолт кивнул второму стражнику и, отдав ему свою увесистую алебарду, пошел по мосту, удаляясь от ворот. Теор последовал за ним. Напарник Нолта, приняв вторую алебарду, упер оба древка в камень моста и скрестил их перед грудью, отчего стал выглядеть довольно забавно.

– Теор, старина, давно же ты здесь не появлялся, – сказал стражник, когда они с наемником достигли середины моста. – Рад тебя видеть! – с этими словами он по-дружески похлопал наемника по плечу.

– Работа, Нолт. Ты же меня знаешь. Сегодня я в одном городе, завтра – в другом.

– Это верно. Стало быть, ты привел в город этого торговца, – кивок в сторону Марго. – Я-то думал, что ты больше не берешься за такую мелкую работу.

– Я все равно направлялся в Хартинг, – пожал плечами Теор. – Не отказываться же от лишних монет, верно?

– Полностью с тобой согласен, Теор. – Нолт широко улыбнулся. – Времена нынче тяжелые.

– А ты, как я погляжу, до сих пор работаешь в страже?

– А у меня есть выбор? – Нолт развел руки в стороны и нахмурился. – Это единственная

приличная работа в городе. Почти все гильдии в Хартинге закрыли свои отделения. Разве что лекари остались да кузнецы. Можешь меня представить с кузнечным молотом или лекарственными травами в руках? Между тем мне нужно кормить жену и двух дочерей. Вот и приходится работать в страже. Ночных дозоров у меня нет, а днем происшествий мало. Зато регулярная оплата. – Немного помолчав, он добавил: – И все-таки, старина, что привело тебя в Хартинг?

– Встречаюсь с сестрой.

– Ты никогда не говорил, что у тебя есть сестра, – удивился стражник.

– Да, есть. – Теор кивнул. – У нас с ней никогда не было теплых отношений. Порой даже сомневаюсь, что мы действительно родственники. Я не виделся с сестрой со дня гибели наших родителей.

– Она, случаем, не чародейка у тебя? – Нолт немного понизил голос.

– Да. Ты ее знаешь? – Наемник последовал примеру стражника.

– Нет, но думаю, что видел ее. На днях в город как раз прибыла девушка вместе с каким-то гномом. Сразу бросилась в глаза ее схожесть с тобой, похожие черты лица, те же глаза, и все такое. Расхаживала по оживленным улицам в одеянии чародея – ну, знаешь, в мантии такой, как в орденах раньше ходили. Попугала этим изрядно оживленные толпы. У нас-то магики особо не жалуют, алхимик – и тот всего один...

Их разговор прервал второй стражник у ворот, окликнувший Нолта. Тот вернулся на свой пост, Теор же, попрощавшись с ним, присоединился к Марго. Пройдя городские ворота, наемник с купцом направились по одной из центральных улиц, минуя главную площадь. Достигнув торгового квартала, Теор получил плату от Марго и подтвердил оплату контракта установленной ритуальной фразой.

До заката было еще далеко, и все же молодой наемник отправился в таверну «Черная Гарпия», которая находилась в двух кварталах от резиденции главы города. Именно в ней после захода солнца он должен был встретиться с Филдой и Гардом.

Таверна была одним из самых людных мест в этом небольшом городке. Рано или поздно сюда находил дорогу каждый житель и гость города. Ее хозяин, Васк, был отличным виноделом и пивоваром. Лишь часть выпивки в его заведении закупалась у приезжих торговцев, большее же ее количество он готовил сам, причем по качеству она ничем не уступала гномьей. Кроме того, за довольно низкую плату любой желающий мог переночевать на втором этаже таверны, сняв комнату на ночь, что только увеличивало число посетителей-постояльцев.

В конце широкой улицы взгляду открывалось величественного вида двухэтажное строение, напоминавшее некое святилище приверженцев черной магии. Гладкие стены из редкого черного камня покрывала едва заметная рунная роспись. На крыше возвышалась статуя гарпии размером с высокого человека. Монстр, расправив крылья, устремлял взгляд вниз, взирая на входящих и покидающих таверну посетителей.

Заведение это имело историю не менее богатую, чем сам город.

Сейчас широкие черные двери таверны были открыты, и у входа стоял, как и всегда, огр Рук – охранник «Черной Гарпии». Огры внешне были очень похожи на людей, за исключением тела более крупных размеров и уродливого лица. Они были довольно глупы, что с лихвой компенсировалось их силой – огр без труда мог голыми руками свернуть человеку шею или переломить хребет. Кроме того, этих существ всегда отличала чрезмерная жадность и любовь к золоту. За пару сотен серебряных огр готов выполнять любые приказы,

а заплатившего ему считает своим полноправным хозяином. Идеальный охранник.

Когда Теор прошел мимо Рука, тот окинул наемника сердитым оценивающим взглядом и, убедившись, что новый посетитель не представляет на данный момент угрозы, отвернулся.

Внутри было на удивление тихо и малоллюдно. За одним из столиков сидели двое стражников, которые, вертя в руках полные кружки пива, что-то бурно обсуждали. Еще за одним столом сидел молодой монах, облаченный в темно-коричневую холщовую рясу. Каждый раз, отхлебнув немного эля из большой стеклянной кружки, он испуганно озирался по сторонам, словно тот, кого он боялся здесь увидеть, мог прятаться под одним из столов.

Наемник прошел к высокой деревянной стойке и сел на один из придвинутых к ней стульев.

– Теор из рода Ренвудов! Приветствую тебя в моем скромном заведении! – улыбаясь, обратился к наемнику хозяин таверны.

– Рад видеть тебя, Васк. – Гость пожал протянутую ему руку. Несмотря на немалый возраст – а хозяину таверны шел уже шестой десяток – рукопожатие Васка по-прежнему было крепким и уверенным. Он был высок, широк в плечах и отлично сложен. От носа до подбородка его лицо покрывали густая рыжая борода и такие же усы, верхняя же часть головы была выбрита наголо.

В прошлом Васк был кузнецом, сейчас же держал таверну и был отличным пивоваром и виноделом.

– Обычно у тебя больше посетителей, – заметил Теор, еще раз окинув взглядом таверну.

Молодой монах тем временем закончил озираться по сторонам и теперь был занят тем, что изучал Теора, рассматривая его с ног до головы и нервно постукивая при этом двумя пальцами по столу. Кажется, монаха совершенно не смущал тот факт, что наемник мог заметить его интерес к своей персоне.

– Сегодня казнь молодого эльфа. Совсем парнишка, поди, молоко еще на губах не обсохло, или что они там пьют в детстве. Говорят, что он шпион из Гиоля... Ничто не веселит этих свиней так, как публичная казнь, – добавил Васк, но уже значительно тише.

– Эльфийский шпион? Эльфов мы не интересуем, по крайней мере, пока наши войска не заходят в их леса, – сказал Теор, который знал это не понаслышке.

– Это беснующееся отродье, именуемое главой города, готов повесить любого, кто ему не понравится. Заглянул не в то окно – все, ты шпион, и шагом марш на лобное место! – Васк нахмурился, но уже через пару мгновений его лицо вновь расплылось в широкой улыбке: – Ну не будем о дурном. Итак, с какой целью к нам пожаловал наемный воин Теор, гроза бандитов, монстров, страшных тварей и всех иже с ними?

– Сегодня вечером у меня важная встреча в твоей таверне.

– А-а, понимаю, понимаю, – согласился хозяин заведения. – Но до вечера еще далеко, можешь пока и работой заняться. Налить тебе чего-нибудь?

– Да, я бы не отказался от пива, – кивнул Теор.

Васк наполнил до краев высокий стеклянный стакан и протянул его наемнику. Теор взял его в руки и немного отхлебнул пенного напитка. Пиво у бывшего кузнеца было превосходное на вкус, впрочем, как и всегда.

– Ты упоминал работу, верно? – немного погодя спросил Теор. – У тебя есть предложения, Васк?

– Возможно. – Хозяин таверны утвердительно кивнул. Скрестив руки на груди, он продолжил: – У нас в казематах завелась какая-то тварь, убила нескольких стражников.

Заклоченным повезло больше – с решетками гадина не справилась, или... не пыталась справиться, не знаю. Затем, как утверждают, она ушла или уползла в заброшенную часть казематов. Глава города обещает тридцать золотых тому, кто найдет это пришлое существо и изведет его. Контракт есть у стражников, что стоят у казематов.

– Заманчивое предложение, хоть и с явно заниженной оплатой, – согласился Теор. Он был не прочь размяться.

Допив пиво, расплатившись и попрощавшись с Васком, наемник направился к выходу. Молодой монах продолжал испепелять его взглядом, что-то бормоча себе под нос. Когда взгляды Теора и рассматривавшего его парня встретились, монах резко отвернулся и поспешил как можно глубже закутаться в свою рясу, словно та могла его уберечь от молодого воина. Удивившись такой реакции, Теор повернулся к Васку, но тот лишь развел руки в стороны и рассмеялся. Не обращая более внимания на монаха, наемник покинул таверну.

Казематы находились в восточной части Хартинга, здание занимало часть восточной же крепостной стены. У главного и, собственно, единственного входа в казематы понуро стояли двое стражников. Теор направился напрямик к ним.

– Ишь, *цацек* нацепил и сразу великим воином стал, так-с? – Строгий взгляд пожилого стражника впился в молодого воина подобно пиявке. – Небось только из пеленок успел вылезти, а уже давай кичиться весом своего кошелька!

С густой седой бородой и такими же усами, он давно уже перешагнул порог молодости. Годы не пощадили мужчину, согнув спину так, что старый стражник с алебардой в левой руке походил на горбатую старуху с клюкой.

– Ты чего же это, Катер? – ахнул второй стражник, недоуменно глядя на своего товарища. – Тебе чего, юноша? – добавил он, обращаясь уже к Теору.

Второй стражник был гораздо моложе седобородого напарника, статная осанка выдавала воинскую выправку, но многочисленные морщины уже нещадно избороздили его лицо. Однако старый стражник, которого называли Катером, словно и не заметил замечания товарища, продолжая буравить взглядом наемника.

Теор действительно выглядел не просто молодо, но даже моложе своих лет – ему было немногим больше двадцати зим. Он имел средний рост и стройное телосложение. Тонкий ровный нос, хоть и познавший в детстве немало переломов, но все же не оставивший на себе видимых свидетельств своего осквернения чьими-то ударами (спасибо лекарям военной академии и предрасположенности к поразительно быстрому заживлению любых ранений), тонко очерченный рот с приподнятыми вверх уголками губ, светло-русые волосы средней длины, зачесанные назад, и взгляд голубых глаз, по-юношески чистый и пронизательный. Кроме того, картину дополняла группка светло-коричневых веснушек на переносице и скулах, что придавало Теору эдакий мальчишеский вид. Не зеленый юнец, но уже зрелый и опытный воин, он все же больше напоминал одного из многочисленных парнишек, что работали на постоянных дворах состоятельных купцов.

– Да ты посмотри только на него! Эй, малец, исчезни отсюда, и *цацками* своими здесь нечего похвастаться! – Катер потряс в воздухе сжатым кулаком.

Теор не сомневался, что под *цацками* старый представитель городской стражи имел в виду экипировку наемника. Под расстегнутой кожаной курткой виднелся плотно подогнанный, словно вторая кожа, доспех из кожи саламандры. Редкий, дорогой и крайне эффективный элемент защиты, как нельзя лучше подходящий для лучника. Прочная кожа

саламандры не сковывала движений, но при этом по прочности не уступала гномьей стали. Кроме того, подобный доспех давал владельцу защиту от высоких температур за счет огнеупорных свойств кожи саламандры.

За спиной наемника покоился композитный лук – мечта любого стрелка. Рукоятка была выполнена из нескольких слоев красного дерева с костяными накладками для удобства обхвата пальцами. Легкая, с высокой прочностью, украшенная резьбой в виде оливковых ветвей. Плечи изогнутые, из редчайшего черного дерева, добытого эльфами в проклятом лесу во времена их войны с лесными демонами. По прочности черная древесина не уступала гномьей стали, при этом сделанные из нее плечи были гибкие, с мягким плавным натяжением. Плечи лука были также усилены дополнительно сухожилиями с внешней стороны и роговыми пластинами с внутренней. Тетива была сплетена из пяти крепких нитей, свитых из шерсти эльфийских животных, похожих на овец; нити, в свою очередь, крепко перетянуты другими скрученными нитями – шелковыми. Такой лук мог использоваться не только по назначению, но и как оружие ближнего боя благодаря своей прочности.

Будучи верным однажды данной клятве, Теор никогда и никому не рассказывал, как, от кого и при каких обстоятельствах он заполучил столь редкое эльфийское оружие, к тому же изготовленное в единственном экземпляре.

Лук крепился за спиной наемника на специальных выступах-захватах на колчане, которые выполняли ту же функцию, что и стандартные налучники. Колчан же был наполнен длинными красноперыми стрелами. Такие стрелы делали на заказ умельцы-гномы, что жили на поверхности и вели активную торговлю с Южным континентом. Древко стрелы делалось из прочной древесины, которой был богат Большой Восточный лес, располагавшийся на восточной окраине Гелинора; оперение – из плотных перьев диковинных для Серединного континента ярко-красных птиц с большим продолговатым клювом, которые повсеместно населяли Южный континент. Ланцетовидный же наконечник для стрелы гномы делали из прочных минералов, что добывались в шахтах рудокопами их народа. Такие стрелы обладали большей, чем у обычных стрел, точностью и без труда пробивали даже плотную кольчугу.

На поясе молодого воина в ножнах покоилась флисса – весьма экзотический меч, представляющий собой узкий длинный клинок с одним лезвием, сужающимся к острию, имеющий клинообразную форму в сечении и рукоять без гарды, навершие которой было выполнено в виде головы льва, выступающей в роли противовеса.

Экипировка наемника была по своей сути уникальной, и второй такой же комплект в пределах Серединного континента было не сыскать. Что уж говорить о городской страже, которой выдавалась старая потрепанная экипировка, как правило, без возможности сменить ее на протяжении всей своей службы.

– Да умолкни же ты, нежить тебя дери! – прикрикнул на старого стражника его товарищ.

Катер что-то проворчал, все еще грозя кулаком не то Теору, не то уже собеседнику, но все же замолчал.

– Меня интересует существо, с которым, как я слышал, у вас имеются определенные проблемы, – ответил стражнику Теор.

– Так ты наемник будешь? Не хочу показаться неучтивым... гм... – Стражник прокашлялся. – Могу ли я увидеть отличительный знак твоей гильдии?

У каждой гильдии в пределах Гелинора имелся свой отличительный знак, по которому их члены могли доказать свое отношение к одной организации. Знаки были всевозможными:

от колец и амулетов до татуировок и специальных заклинаний-формул. Каждая гильдия ухищрялась как могла, дабы обезопасить своих членов как от случайной потери отличительных знаков, так и от умышленного похищения таковых злоумышленниками с целью дальнейшего использования. Кольца не снимались с пальцев, амулеты были видны лишь тем, кому владелец их предъявлял, татуировки не сводились, заклинания не работали в чужих руках.

Отличительный знак не только подтверждал причастность человека к той или иной гильдии, но и указывал, какой ранг он имеет в ней, а значит, и какими полномочиями он в действительности обладает.

Гильдия наемников своим отличительным знаком сделала татуировку. Она наносилась при вступлении в гильдию на правую руку новичка специальными чернилами, защищенными охранительными заклинаниями. Татуировку нельзя было смыть, свести и даже выжечь, равно как и сделать невидимой с помощью заклинаний: на это был способен лишь человек, ее наносивший.

При дезертирстве же человека из гильдии наемников или его исключении по решению совета Грандмастеров за грубое нарушение гильдейского устава срабатывали дополнительные чары, наложенные на чернила при нанесении татуировки. В этом случае татуировка превращалась в изображение гнилого черепа без нижней челюсти. Так же как и исконную татуировку гильдии, такой рисунок невозможно было удалить, даже вздумай ее владелец отсечь себе руку по торс: татуировка проявлялась на второй руке; при потере обеих рук – на лице. Носителей такой метки не принимали в другие гильдии, а многие города объявляли их преступниками. Теор всегда считал подобное решение суровым, но более чем справедливым...

Наемник закатил правый рукав куртки, и взорам стражников открылась до мельчайших подробностей прорисованная татуировка чуть выше запястья в виде морского грифона с двумя клинками в лапах.

– Мастер! – Стражник невольно охнул и в то же время сразу подобрался всем телом, словно на строевом смотре. – Простите великодушно Катера: он и в молодости-то был не учтив, а сейчас просто управы на него нет. Видишь, Катер, – стражник обратился к седовласому товарищу, – морской грифон, четвертый ранг, то бишь Мастер среди наемников!

Последние слова стражника и созерцание морского грифона на руке *мальца* подействовали на Катера должным образом. Буркнув что-то неразборчивое, он перевел взгляд на свои башмаки и стал внимательно изучать их, потеряв всяческий интерес к находившимся рядом с ним людям.

– Ничего страшного, – заверил Теор. – Так как насчет вашей проблемы?

– Да-да, конечно же... – поспешно закивал стражник. – Думаю, раз вы здесь, то основная информация вам уже известна. Могу добавить, что наш местный алхимик, досточтимый господин Рено, заявил, что это василиск.

– В самом деле? – удивился наемник. – Интересно. Досточтимый Рено лично его видел?

– Нет, что вы, в заброшенную часть казематов мы никого не пускаем. Алхимик заявил это, исследовав трупы наших товарищей-стражников и отметины на стенах, потолке, полу. Сказал: «Сматывайте удочки, охламоны, выметайтесь из казематов и шлите весть наемникам, куда еще все члены свои целы».

– Не встречал вашего алхимика, но он мне уже нравится, – усмехнулся Теор. – Если, конечно, он не ошибся в своих выводах, – добавил наемник уже серьезно.

– Вынужден просить вас взяться за уничтожение этого василиска. Наемники четвертого ранга не часто заглядывают в наш город.

– Сможешь-то? – Это вновь подал голос Катер. Теперь старый стражник смотрел на наемника не столько с недовольством, сколько с интересом пополам со скептицизмом.

– Смогу, – кивнул наемник. – Контракт-то у вас письменный имеется? И кто заказчик?

– Имеется, – отозвался стражник. – Пройдемте в канцелярию, Мастер. Я как старший стражник городского гарнизона уполномочен выступить в роли заказчика и подписать с вами уже подготовленный контракт, сразу после того как мы обговорим с вами детали и сумму оплаты. Катер, останешься тут на посту, – отдал приказ стражник своему напарнику.

Отворив ворота казематов, стражник пригласил наемника внутрь. Его седовласый товарищ остался снаружи.

– Ишь, рыбий хвост грифону намалевали! Эксприми... эксперена... экспиримантаторы! – пробурчал Катер, силясь правильно произнести сложное для него слово.

Канцелярия делила большую просторную комнату с оружейной и складским помещением. Представляла она собой деревянный стол с широкой прямоугольной столешницей, заваленной кипами пергамента и несколькими увесистыми фолиантами, да пару деревянных стульев в придачу. Обговорив все необходимые условия, Теор подписал предложенный стражником контракт, после чего тот предоставил наемнику подробный план каждого из трех уровней казематов. Напоследок стражник пожелал наемнику удачи и, покинув здание, запер ворота с внешней стороны до окончания, как он выразился, умертвительного действия.

Наемник отворил увесистую дверь из оружейной в основную часть первого уровня казематов и, перехватив поудобнее лук, медленно двинулся по широкому коридору.

Теор никогда еще не встречал живого василиска, но знал о них немало. Знания его были основаны не только на легендах и мифах об этих созданиях (а они казались наемнику довольно изощренными), но и на опыте некоторых знакомых алхимиков и чародеев. Так, например, по распространенному поверью, василиск рождался, когда петух, одряхлевший от старости, сносил яйцо, которое позже находила жаба и высиживала его в теплом навозе из помета летучих мышей, что делало чудовище неуязвимым. Теор невольно поежился от легкого отвращения, представляя себе весь этот процесс.

Тем не менее василиск действительно состоял из частей тел указанных существ: он имел голову петуха, тело жабы, крылья летучей мыши и хвост змеи. Его главной особенностью, равно как и оружием, было едкое вещество, выделяемое телом. Когда-то василиск был выведен группой черных колдунов-алхимиков для охраны их замков. Но что-то в их экспериментах пошло не так, и чудовища получились сколь опасными, столь и неуправляемыми. Не желая лишать жизни свое творение, колдуны попросту отпустили василисков (а их они создали не один десяток) на волю, рассеяв по всем четырем континентам.

Василискам как созданиям из неживой материи не нужна была пища для существования, поэтому неистребленный василиск мог прожить не одно столетие. Со временем, после ряда столкновений людей с этими созданиями, о них сложили немало легенд и сказаний, которые имели под собой одну основу – страх перед неизвестным, но разнились при этом во многих деталях.

Теор точно знал, что василиски вовсе не были неуязвимыми. Их можно было убить, как любое другое существо из плоти и крови, хотя обычным оружием пробить их прочную чешую было не так-то просто. Легенды же утверждали, что убить василиска проще всего, спустив на него обычную ласку. Та убивала чудовище, но при этом погибала сама, так как кровь василиска подобна кислоте. Также считалось, что василиск до смерти боится крика петуха, и, заставив его слушать голос птицы, тем самым можно убить чудовище. Увы, ни ласки, ни петуха у Теора не было, а посему он не имел возможности проверить на деле эти занимательные теории.

Наемник медленно продвигался по первому ярусу казематов, прислушиваясь к тишине, которую нарушали только звуки его шагов да потрескивание факелов, что освещали мрачные помещения. Первый ярус представлял собой широкий длинный ход, от которого в обе стороны тянулись другие, не длинные и гораздо уже основного; каждый из них заканчивался одиночной камерой. Те сейчас все были пусты, их двери распахнуты.

Теор отметил, что потолки в казематах были не низки, в полтора роста среднего человека, что позволяло идти не пригибаясь и что конечно же говорило о благосостоянии города: ведь и стены, и пол, и потолок были сделаны из дорогого на севере камня – ближайший рудник был во многих лигах южнее.

Центральный ход заканчивался каменной лестницей, ведущей на следующий уровень. Возле нее-то на стене Теор и заметил отметины. Примерно с ладонь в длину четыре неровные широкие борозды на камне. Следы когтей. Однако сами по себе они еще не доказывали, что здесь побывал именно василиск.

В этот момент Теор услышал скрежет – словно кто-то ножом царапал по металлу. Звук исходил с нижних уровней. Держа лук наготове, наемник спустился ниже.

Здесь было на порядок больше камер, чем на предыдущем уровне. Главный коридор был здесь гораздо уже, но от него тянулось в сторону куда больше боковых ходов, между которыми располагались одиночные камеры. Боковые же ответвления выводили в два дополнительных прохода, правый и левый.

На втором уровне отметин было значительно больше. Как и заверял стражник, здесь они виднелись повсюду: на стенах, полу и даже потолке. Все те же четыре борозды от когтей, а также новые, ранее не попадавшие на глаза отметины на камнях – следы кислоты. Она разъела камень во многих местах, оставив после себя не только разрушение твердой породы, но и темно-зеленоватый налет, словно слой пыли. Яд василиска.

Скрежет повторился уже более отчетливо.

Следовательно, василиск был на последнем, третьем уровне.

Изучая план казематов, Теор заметил, что третий уровень отмечен как заброшенный. Стражник объяснил тогда, что тот задумывался как допросная, она же пыточная. Но из-за пристрастий главы города к публичным казням так и не был до конца достроен.

Теор спустился сюда по каменной лестнице, в любую секунду готовый вступить в бой. Когда оставил позади себя последнюю ступеньку, перед глазами открылась картина заброшенного уровня – пустое пространство с четырьмя стенами и несколькими атрибутами для пыток, пребывающими не в лучшем состоянии. В помещении было мало света, здесь горели лишь два факела.

«Если уровень был заброшен, то зачем тогда, пусть и недостаточно, но все-таки освещать его?» – подумал наемник. Но для подобных размышлений было не время, и они отошли на второй план, ведь перед ним был его противник.

Василиск находился у дальней от Теора стены; он стоял на стальной пластине, когда-то служившей, по-видимому, частью некоего пыточного механизма, и медленно скреб по ней когтями.

Размером василиск был не больше лошади, имел довольно неуклюжий и к тому же омерзительный вид. На большом жабьем теле, лапы которого были увенчаны внушительными когтями, громоздилась бесформенная птичья голова, лишь отдаленно напоминающая петушину. Длинный клюв имел ряд больших неровных заостренных зубов, отчего до конца не закрывался. Из-за спины василиска торчали два широких крыла летучей мыши: непропорциональные, одно больше другого. Дополнял картину длинный змеиный хвост, превосходящий в длине самого василиска от клюва до основания хвоста.

На человека смотрели два немигающих серых глаза с темно-пепельными точками зрачков.

Теор пустил стрелу в василиска, метя тому в глаз, однако монстр легко перехватил ее зубастым клювом и, перекусив стрелу пополам, отшвырнул ее обломки в сторону. «Что ж, неплохая реакция», – отметил про себя наемник.

В следующий миг уже Теору пришлось блеснуть своей реакцией. Он отскочил в сторону за секунду до того, как в то место, где он только что стоял, ударила струя зеленого огня, извергнутая из пасти монстра. Каменный пол плавился, шипя, от яда чудища. Огонь василиска внешне очень напоминал драконий, а тот, в свою очередь, был, как известно, неплохим оружием против самих же драконов. Стоило проверить.

Наемник вонзил стрелу в камень, разъедаемый зеленым огнем, и яд василиска тут же перекинулся на острие, словно намереваясь как можно скорее уничтожить новую цель. Не дожидаясь, пока кислотная смесь закончит начатое, Теор пустил стрелу, на этот раз целясь василиску в грудь. Чудовище успело отпрянуть в сторону, но стрела все же задела шкуру, оставив заметный порез, из которого брызнула кровь темно-коричневого цвета.

Помещение каземата пронзил животный крик, смешанный с пронзительным высоким свистом. От этого звука наемника швырнуло обратно на лестницу, словно ударной волной от взрыва. Теор взбежал по ступеням, оказавшись на втором уровне в тот самый момент, когда в ступени ударил новый поток разъедающего огня. Издав повторно крик, в котором слышалась уже не боль, а звериная ярость, василиск ринулся в погоню.

Теор шмыгнул в ближайший боковой проход, и василиск, не заметив его, проковылял по главному проходу мимо. Монстр передвигался быстро, но крайне неуклюже, переваливаясь с боку на бок, путаясь в собственных лапах, да и длинный хвост при передвижении скорее мешал, чем помогал.

Теор вышел из своего временного укрытия и выстрелил, пронзив стрелой правое крыло василиска. Тот зарычал и, не разворачиваясь, отмахнулся хвостом, норовя сбить противника с ног. Наемник не без труда, но все же избежал удара увесистым хвостом, вовремя пригнувшись, после чего скрылся в другом боковом проходе.

Развернувшись, василиск направился в проход, где скрывался наемник. Он не видел того момента, когда человек скрылся из виду, но примерно мог определить его местоположение по запаху.

Теор натянул тетиву и замер, ожидая появления монстра. Как только петушина башка показалась в проходе, молодой воин выстрелил. Стрела врезалась в клюв, и василиск, потеряв равновесие, свалился на пол каземата, ударившись при этом головой о стену.

Наемник юркнул в широкий проход, идущий параллельно центральному, и, миновав

несколько коридоров, соединяющих их, вновь вернулся в центральный проход. Василиск медленно поднимался и сейчас находился спиной к наемнику. Голова его была низко опущена, и посему Теор всадил в незащищенную спину чудовища одну за другой три стрелы.

Василиск вновь заревел, и к его голосу, как и в прошлый раз, примешивался громкий свистящий звук. Наемника опрокинуло на пол. Он хотел зажать уши, но руки его не слушались, став ватными, в глазах потемнело, и он едва не потерял сознание.

Когда способность двигаться вернулась к Теору, василиск был уже в шаге от него. Тварь медленно раскрыла клюв-пасть с неровными зубами, чтобы в следующий миг убить дерзкого человека струей всеразъедающего зеленого пламени. Движения василиска были медленными и неуверенными: видимо, он все еще приходил в себя, оглушенный при ударе головой.

Наемник откатился назад на расстояние одного шага и рванул стрелу из колчана. Свист тетивы, в воздухе мелькнуло красное оперение стрелы – и в следующий миг василиск рухнул на каменный пол. Стрела вошла в его пасть и, пробив голову насквозь, высунулась наполовину из затылка. «Не так страшно чудовище, как его описывают», – вспомнилась молодому наемнику услышанная однажды поговорка.

Из раскрытого клюва, так и не извергнувшего смертоносный яд, вытекала струйка дурно пахнущей крови коричневого цвета. Она же капала с торчащего из головы монстра наконечника стрелы. Теор внимательно его изучил – наконечник оставался цел. Стало быть, кровь василиска не могла разесть любой предмет, на который бы попала, как это делал находящийся в его же организме яд.

Недолго думая наемник обнажил свою флиссу и, замахнувшись, с силой опустил клинок на шею василиска, отсекая твари голову. Коричневые брызги весело ринулись вверх, освобожденные из своих вечных темниц-кровоотоков. Оказавшись на свободе, они постарались оросить все пространство, до какого только смогли дотянуть.

Глава 3

Вечерние беседы

На закате молодой наемник появился возле «Черной Гарпии». Перед тем как отправиться к таверне, он сдал исполненный контракт страже и получил свою награду. Теор с улыбкой вспомнил, как появился у входа в казематы с окровавленной головой василиска в руках, при виде которой памятный стражник по имени Катер дал деру, да так, что лишь пятки засверкали. И куда только делась старческая немощность...

Огр-вышибала как всегда стоял у входа.

– За полдня во мне мало что изменилось, – ухмыльнувшись, объявил наемник, поймав на себе суровый взгляд силача.

Огр не удостоил человека ответом, лишь громко и напоказ фыркнул. Пожалуй, даже слишком уж напоказ.

Отворив двери таверны, Теор прошел внутрь заведения. С того дня, как наемник был здесь в предыдущий раз, народу в таверне ощутимо прибавилось. Более того, свободных столов практически не было. Народ выпивал, громко общался и просто отдыхал, кто-то даже горланил понятную одному ему песню.

Филду с Гардом Теор заметил тотчас. Гном с чародейкой сидели за небольшим столиком в углу таверны, стул между ними был не занят. Наемник также не остался незамеченным – гном энергично замахал ему в знак приветствия.

На минуту Теор застыл, просто рассматривая свою сестру.

Да, она сильно изменилась. Он помнил ее среднего роста – того же, что и он сам, разве что на пол-ладони выше; стройную, с темно-русыми длинными волосами, что с фанатичной аккуратностью были завиты в толстую косу, опоясывавшую лоб и затылок двумя витками; голубыми глазами, тонким ровным носом, высокими скулами и смешными ямочками под ними. Сейчас волосы чародейки были распущены и острижены, их кончики едва доставали до плеч. К тому же девушка перекрасила их в темно-красный цвет. Скулы, конечно, остались там, где и были, а вот ямочки разгладились, не оставив по себе памяти.

На Филде была шелковая рубаша светло-розового цвета, поверх которой накинута кожаная куртка без рукавов. Совсем не характерное одеяние для чародея, и оно уж точно не могло скрыть ее грациозную фигуру.

Если раньше Филда всегда напоминала эдакую озорную девчонку, то сейчас она выглядела взрослой и зрелой женщиной. Теор отметил также, что тонкие, прямые и четко очерченные губы придавали ей некую серьезность. Наемник понимал, что если бы он взглянул на девушку как мужчина, а не как родственник, то скорее всего нашел бы их трепетными и желанными. Филда была красива, и Теор искренне радовался за сестру.

Сейчас молодому человеку казались смешными их с сестрой детские перепалки, которые не прекращались и в юношеском возрасте, и при дальнейшем взрослении. Папин сын и мамина дочь были обречены на извечное соперничество за внимание родителей и определенную неприязнь друг к другу на этой почве.

Как и любой ребенок, Теор с Филдой хотели не только иметь, но и в полной мере чувствовать искреннюю любовь, теплоту и заботу обоих родителей. Возможно, так все и

было, но чета Ренвудов решила, что воспитанием детей нужно заняться отдельно, в соответствии с собственным ремеслом родителей и талантами их чад. Именно поэтому мама, будучи магессой, стала воспитывать и обучать свою дочь, талант к магии которой стал проявляться едва ли не с пеленок, а над юным и ловким мальчишкой взял шефство отец – признанный имперский разведчик.

Неписаная вражда за любовь частично недоступного для каждого из них родителя началась между детьми, когда Теору исполнилось шесть. В его день рождения отец взял мальчика на охоту и впервые доверил ему не только полную свободу действий в лесу, но и настоящий боевой лук. Для Теора отцовский лук был большим, едва ли не в его рост, да и натяжение слишком велико. Мальчишка Ренвуд пыхтел и сопел, обливаясь потом, когда натягивал тетиву, но не сдавался. В итоге он подстрелил двух больших жирных фазанов и был на седьмом небе от счастья: ведь отец, временами строгий и суровый, в тот день не уставал нахваливать сына и заверять, что у мальчика настоящий талант.

Отец объяснил тогда Теору, что научить стрелять из лука можно многих, но мало кто из людей способен чувствовать это благородное оружие, мало кто может сделать его продолжением своего тела, полностью контролировать пространство вокруг себя и попадать в движущуюся цель не глядя, полагаясь лишь на свои ощущения и чутье. По словам отца, у его сына был как раз такой талант. После охоты Теор спешил домой, чтобы похвастаться перед сестрой своими первыми охотничьими трофеями, добытыми самостоятельно...

Вот только у Филды, напротив, тот день проходил хуже некуда. Мать с самого утра заставила ее практиковаться в воплощении и управлении четырьмя основными стихиями, что у девочки никак не получалось.

«Мама, я еще мала для таких сложных заклятий!» – умоляюще восклицала дочь. Но профессиональная магесса была непреклонна, и ответ ее был неизменен: «Упражняйся лучше!»

Еще больше настроение юной ученице испортил ее младший брат, вернувшийся с охоты вместе с отцом. Он был не просто в хорошем настроении: он был счастлив, и отец похвалил его, потрепав по светло-русой пышной шевелюре. Вот бы и ее также похвалили, но нет же, одни только «работай», «практикуйся», «не отвлекайся!».

Все произошло спонтанно. В мыслях девочки сплелись обида и детская злость. Да что они о себе возомнили! Подумаешь, велика наука – наложить заостренную палку на тетиву, оттянуть ее в сторону и отпустить, прибив ленивую неуклюжую птицу, которая даже не пытается спасти свою жизнь. А попробуйте как она, Филда, поупражняться с утра до вечера в сложной стихийной магии!

Девочка без слов выбросила правую руку вперед, и два фазана в руках ее брата сгорели за считанные секунды. Просто вспышка, расцветшая в воздухе, словно дивный цветок, – и вот от двух птиц осталась лишь горстка пепла, который плавно осыпался на пол.

Филда не хотела причинить брату зла, это был лишь порыв нахлынувших эмоций. И все же по ее лицу предательски расползлась улыбка, когда девочка заметила в глазах младшего брата рождающиеся там детские слезы.

Родители наказали Филду, ее даже не пригласили к праздничному столу. Могли бы хоть похвалить за заклинание, ведь это были настоящие воплощение и управление – созданный ею огонь не причинил вреда Теору и не обжег его руки, спалив лишь фазанов. Но нет.

Теор в тот день впервые осознал, что причинить человеку боль и быть по отношению к нему жестоким может даже самый близкий человек, пусть и по недомыслию. Так и началась

междоусобная «война» между детьми семьи Ренвуд.

Вначале это были лишь безобидные словесные шутки и колкости, но с возрастом вражда набирала силу. Однако со временем, когда мальчик поступил в военную академию, а девочка – в академию магии, Теор с Филдой стали редко видеться, а это, в свою очередь, означало и отсутствие возможностей для активных действий на их семейно-враждебном фронте. Когда же погибли их родители, они, не сговариваясь, отбросили вражду в сторону. И все же похороны были последним днем и местом их встречи, за этим последовала восьмилетняя разлука...

Окунувшись в раздумья и воспоминания, Теор даже не заметил, как возле него оказался гном, и потому невольно вздрогнул, когда широкая мозолистая ладонь, ухватив наемника за руку, властно потянула его через зал таверны.

– Что ж ты встал и стоишь? Давай, идем! – сказал гном, ободряюще похлопав наемника по плечу свободной рукой.

Он провел молодого человека через зал таверны и усадил за их стол. У Теора сразу же возникла комичная аналогия: он – высокородная барышня, а гном – галантный, но настойчивый кавалер, ухаживающий за ней... то есть за ним, Теором.

Для представителя своей расы Гард был довольно худ и высок. Нет, он, как и все гномы, был широк в плечах и заметно ниже человеческого роста, а вот знаменитое «гномье брюхо» у него отсутствовало. Гард был лишь плотно сложен, хотя в сравнении с иными гномами его можно было смело назвать стройным, к тому же он был на голову выше любого гнома, которых довелось встречать Теору за всю жизнь.

Широкое добродушное лицо обрамляли густая борода темно-коричневого цвета и такие же усы. Многие гномы отращивали невероятно длинные бороды, после чего всячески ухищрялись с их оформлением: заплетали косы и косички, делали фигурные стрижки и завивки. Гард отличался от своих многочисленных сородичей и в этом: он стриг свою бороду довольно коротко – она едва доходила до ключиц и не имела никаких принятых у подгорного народа изысков.

Гард располагал к себе с первого же взгляда. Его губы то и дело расплывались в простой и искренней улыбке, а в серых глазах читались открытость и дружелюбие.

– Не привык я к такой заботе, – неопределенно произнес Теор.

– Ничего не поделаешь, дружище, – добродушно заявил Гард. – Ты ж живая легенда, и я, не буду скромничать, давно хотел с тобой познакомиться.

– Такая уж и легенда? – с иронией поинтересовался Теор.

– Ну себя ты можешь таковым и не считать, но это именно так. Легенда нашей гильдии – так уж точно, – серьезно ответил Гард.

– Чем же я таким прославился? – вновь спросил Теор, словно и не про него говорил собеседник.

– Ну сам смотри, – гном стал загибать пальцы, – ты вступил в гильдию и получил ранг Новичка в пятнадцать лет, став самым молодым членом гильдии за всю ее историю, ведь обычно к нам принимают Новичков не младше шестнадцати – это раз. Ты всего за пять лет дослужился до звания Мастера, установив этим абсолютный рекорд гильдии – это два. Опять же твоя пятилетняя карьера – контракт за контрактом, это ведь просто марафон какой-то! Это, значица, три. Четвертое – ты всего добился сам. Ни одного группового контракта под шефством более опытного наемника. Ну и пятое – ты не провалил ни один контракт за пять лет. Этого разве недостаточно?

– С перечисленным спорить не стану, – кивнул Теор. – Добавь тогда еще к списку дюжину выполненных контрактов гильдейского уровня.

– Да ну?! – удивился гном. – Почему же мы ничего не слышали о них?

– Потому что информация о них была засекречена, – прямо ответил наемник.

– Хм, – задумался гном. – А у меня за пятнадцать лет наемничьей жизни была всего пара контрактов самого высшего, то бишь гильдейского уровня. Вот видишь! Я и говорю – легенда!

– Пусть будет так, – не стал более спорить Теор, невольно улыбнувшись. – Как только выполним наш текущий контракт, добавишь на свой счет еще один контракт гильдейского уровня, – добавил он.

– До тебя, парень, мне все равно далеко, – не уступал Гард. – И это, значица, ты про гильдейские-то дела мне непременно поведаешь! – Гном не спрашивал, он ставил собеседника перед фактом.

– Это не трудно, – согласился Теор. – Но думаю, с этим мы еще успеем разобраться.

– Конечно, успеете. Вам ведь работать вместе, – встряла в беседу до этого молчавшая Филда.

– Привет, Филда, – наемник перевел взгляд на сестру и кивнул ей.

– Здравствуй, Теор. – Девушка ответила кивком на кивок и слегка улыбнулась. Правда, Теору улыбка показалась какой-то вымученной.

– Ой, и вправду, про даму-то мы совсем забыли! – словно извиняясь, объявил Гард, а затем, повернувшись к чародейке, спросил вполголоса: – Еще самую малость, ладно?

– Хорошо, воркуйте, – вздохнула Филда. – Выпивку тогда хоть закажи.

– Есть, мэм! – Гном по-военному отдал девушке честь, как было принято в империи Гелинор: приложив раскрытую ладонь к сердцу и склонив при этом голову, – а затем проворно направился к барной стойке.

Уже через минуту он вернулся с подносом, на котором стояли четыре высокие кружки с пивом и тарелка с вяленным мясом. Заказы в таверне по столам разносил местный служака, но гном решил его не утруждать и сам выполнил эту работу.

Раздав товарищам пенный напиток и установив блюдо вяленого мяса в центре стола так, чтобы до него мог дотянуться каждый из троицы, гном забросал Теора новыми вопросами.

Тропа привела Мартериуса к огромной нависшей скале, которой люди дали странное название – Преддверие Дракона. Считалось, что название сие родилось из-за близости скалы с Драконьей горой, чья вершина являлась самой высокой точкой Серединного континента. Мартериус усмехнулся, вспомнив свой родной мир. Ведь там был целый горный хребет, рядом с которым Драконья гора показалась бы лишь жалким бугорком.

Мартериус часто вспоминал свой мир, и сердце в такие моменты наполнялось вселенской грустью, что тянула его сознание вниз, в хаотичную бездну самобичевания. Как же он был тщеславен тогда, напыщен, самоуверен, а может, и просто глуп... Глуп настолько, что из-за своего высокомерия и любопытства он и пошел на тот самый эксперимент. Который уничтожил его родной мир.

Весь мир. Целиком.

Мартериус вздохнул и плотнее завернулся в длинный, до пят, походный плащ. Он шел медленно, приводя чувства в порядок. Пора бы уже перестать вспоминать прошлое. Эти воспоминания терзали его душу, мешали трезво мыслить и могли, в сущности, однажды его

убить.

«Не глупи, – возразил он себе же. – Ты стал тем, кем ты стал, именно благодаря тому, что произошло. И именно из-за того, что *ты* сделал. Это оставило на тебе отпечаток, но и помогло тебе добиться невероятных успехов. Ты – тот, кто не бросился бежать от трагедии, которую сам же и вызвал. Ты исправил свои ошибки настолько, насколько это вообще было возможно, и более того, ты превратил страшные последствия того события в нечто лучшее, преподнеся великий дар сразу нескольким другим мирам. А сколько людей ты спас от воплощений злых сил, сколько жизней ты сделал лучше, сколько злым пророчествам ты не дал свершиться? Бессчетно. А сколько душ ты погубил при всем этом? Тоже бессчетно...»

Старый чародей вновь вздохнул. Из года в год груз прожитых лет давил на него все сильнее и сильнее. Он зажился на этом свете. Сколько ему было лет, чародей и сам уже не помнил. Пять или шесть столетий? Да, где-то так. Столько ведь даже эльфы не живут, а он – простой человек. «Да, человек, – вновь ответил он себе, – но все же не простой».

Сразу за скалой Мартериус обнаружил большой грот. Здесь было сухо и безветренно. Он остановился и снял с плеча котомку. Из нее вытащил небольшую головку сыра, ломоть хлеба и плотно закупоренную пробкой фляжку с холодным чаем. Уселся прямо на камень и стал есть. Он мог утолить голод и жажду при помощи магии, но ему хотелось обычной, настоящей еды. Ее не могли заменить никакие заклинания.

Закончив трапезу, он продолжил путь. Сразу за гротом отыскалась узкая тропинка, прилепившаяся к скале. Она вывела чародея в большой лес, наполненный прохладой и свежестью. Отсюда открывался чудный вид на цепь гор, разных по высоте и форме, которые тянулись вдоль восточного побережья и оканчивались уже упомянутой Драконьей горой, что возвышалась, словно монарх на троне, над всем ближайшим горным массивом. С одной горы низвергался небольшой, но изумительно красивый водопад. Несмотря на незначительную высоту, потоки воды обрушивались вниз с изрядным шумом, теряясь в густом лесу.

Мартериус застыл на месте, замороженно наблюдая за буйством водной стихии. Глубоко вдохнул свежий, с нотками влаги воздух, наполняя им легкие, а затем медленно выдохнул, выпуская его через маленькую щелку в полусомкнутых губах.

Всю жизнь он любил воду и в детстве буквально не вылезал из нее. Он даже купался зимой в проруби нагишом, за что сверстники считали его чудаковатым. Водопады же его попросту восхищали. Он мог часами стоять и наблюдать за тем, как пенная вода низвергается с большой высоты и падает, падает, пока не достигнет русла, откуда вновь продолжает свой путь, исполняя свою роль в величайшем, что есть в этом мире, – природе.

В круговерти жизни, в водовороте событий и проблем, неотъемлемо сопровождающих бытие каждого человека, легко забыть о красоте и величии живой природы. Забыть о вольном ветре, что едва заметно колышет зеленые листья на деревьях, а порой и безудержно несет в воздушном пространстве, готовый снести любую преграду, пытающуюся лишить его свободного пути. Забыть о величавых деревьях, которые за свою долгую неподвижную жизнь не только возносятся к облакам, раскинув во все стороны могучие ветви, но и дают пристанище в своих владениях многим живым существам. Забыть о бескрайней водной глади, что простирается от материка до материка, образуя моря и океаны; забыть о плодородной земле, что рождает множество живых существ, с душой и без нее, и что вбирает в себя останки многих из них по завершении отведенного им жизненного цикла...

Мартериус прервал свои размышления, тряхнув головой. Что-то здесь было не так. Он ощущал легкие возмущения магических потоков; тысячи мельчайших связей бытийного мира

с миром существенным дребезжали, словно маленькие колокольчики.

Мартериус совершил в воздухе несколько замысловатых пассов руками и произнес слова заклятия. Это были древние, но безотказно действующие чары. Если бы кто-то взглянул сейчас на чародея, то увидел бы, как его глаза вспыхнули ярко-желтым пламенем.

Лес перед взором старика стал таять, еще миг – и вовсе исчез, будто его никогда и не было. Мартериус повел рукой по очертаниям горной цепи, и она тоже растаяла, словно наваждение.

Старый чародей, словно дирижер, руководил сейчас исчезающим пейзажем, стирая один за другим его живописные элементы. Еще немного – и на белом пустом пространстве осталась лишь гора и низвергающийся с ее вершины водопад.

Так он и думал.

Ни на горе, ни за горой не было речки. Также ничего не было и там, куда падала водная масса. Вода появлялась из ничего и падала в пустоту.

Брешь в реальности! Первый и главный признак того, что портал был где-то поблизости. Оставалось лишь его найти.

Мартериус закрыл глаза, а когда вновь открыл, они уже не ярились желтоватым огнем, и мир снова обрел привычный вид. Лишь там, где раньше с горы падала с шумом масса воды, больше не было никакого водопада. Мартериус уверенно зашагал в глубь леса.

Гном крутнулся вокруг себя, рассекая воздух лезвием флиссы.

– Смотри не прирежь кого-нибудь, – посоветовала товарищу чародейка.

Гард выполнил мечом восьмерку и, окинув оружие последним оценивающим взглядом, протянул его эфесом вперед Теору.

– Кому как не нам, гномам, давать оценку хорошему клинку! К тому же... – Гном сделал паузу, окликнув хозяина таверны, хлопотавшего за стойкой. Гард не сомневался, что его басовитый голос минует толпу посетителей и достигнет намеченной цели. – Васк, ты же не против?

– Нисколько, – ответил Васк в такой же манере. – Не прирежь только никого.

– Мои слова, – не без доли самодовольства заметила Филда.

– А руны-то на клинке для чего? Знакомая рунная вязь, вот только так до конца и не разобрался, – обратился Гард к Теору, который как раз резким движением отправил флиссу в висевшие на поясе ременные ножны.

– Три руны: одна для преобразования, вторая для отражения, ну а третья – для рассеивания. Действуют...

– Для нейтрализации и отражения вражеских заклинаний, – перебил Теора гном. – Ну там огнешар отбить или молнию какую, верно?

– Верно, – подтвердил молодой наемник, и лицо гнома расплылось в широкой улыбке.

– Занятный мечик, вот только сомневаюсь, что во время боя с чародеем так уж и легко сталью огнешары рубить. – Для пущего эффекта от сказанного им гном поднял вверх указательный палец.

– Ну почему же, – взяла слово Филда, – если чародей не опытный и атакующие заклинания связывает непосредственно с целью – так сказать, стараясь не промазать...

– То огнешар прилетит аккуратно под твой меч. Стой да отбивай – ты это хочешь сказать? – закончил за напарницу гном и пристально на нее посмотрел.

Филда лишь пожалала плечами.

– Я заклинания отражаю заклинаниями же, – ответила она.

– Так... с клинком мы разобрались, далее на повестке дня у нас лук, – с этими словами гном принял из рук Теора его композитный лук.

Гном вышел из-за стола и, встав в позицию, натянул тетиву, целясь куда-то в скопление посетителей.

– Как плавно-то тетива натягивается, – заметил гном. – А натяжение-то какое у этого красавца?

– Фунтов семьдесят – семьдесят пять.

– Ишь... А как будто не больше двадцати, – с этими словами гном отпустил тетиву, и та едва ли не моментально с легким свистящим звуком приняла изначальное положение.

– Не думала, что гномы из луков стреляют, – сказала Филда, отхлебнув немного пива.

– Стреляем, – серьезно ответил Гард. – Мы, конечно, большей частью по арбалетам мастаки, отсюда-то и байки, что мы, дескать, луки презираем. Нет, все совсем не так. Просто не наше это оружие. Но вот я, к примеру, хорошо стреляю и из того, и из другого.

Гард вновь натянул тетиву до упора и отпустил.

– А что за дерево-то такое на изготовление плеч пошло? Я имею в виду, черное оно какое-то...

– Это древесина черного дуба, одного из тех, что были в... – Теор запнулся, но затем продолжил: – Словом, я дал мастеру-оружейнику, изготовившему этот лук, слово, что ни одна живая душа не узнает ни о нем самом, ни о его изделиях.

– Ох уж эти гениальные кузнецы с их вычурными идеалами и скрытностью!.. – фыркнул Гард. – А вот слово наемника – это святое. Понимаю.

Гард протянул Теору лук и вновь сел за стол. Вспомнив, что так и не притронулся к своему пиву, взял полную кружку и больше чем ополовинил ее одним залпом.

– Все это весьма занимательно, – Филда подняла ладонь, призывая собеседников прерваться, – но давайте наконец перейдем к делу.

– Ладно, – не стал упираться Гард.

– Поддерживаю, – согласился и Теор.

– Рассказывай, могучая чародейка, будем вникать и разбираться – что там, как и зачем, – пошутил гном, неотрывно глядя на подругу, но та пропустила его реплику мимо ушей.

– Нашей задачей по контракту является поиск и добыча древнего артефакта. Артефакт этот не только древний, но и единственный в своем роде. Называется он Ан'лаа-Ксаараксис.

– Язык сломаешь, – не замедлил с комментарием Гард.

– Это на эльфийском, – уверенно заявил Теор. – Скорее всего, один из вымерших диалектов отдельных поселений.

– Ты знаешь эльфийский? – Брови гнома поползли вверх.

– Немного, – уклончиво ответил Теор.

– Совершенно верно. Собственно говоря, наш наниматель заверяет, что никто кроме эльфов о существовании этого артефакта и не знает, – пояснила Филда.

– Нет проблем! Собираем вещички, едем в Гиоль, узнаём все подробности и забираем артефакт, – подытожил гном.

– Не так шустро, друг мой. В пределах всех четырех континентов есть лишь одна-единственная рукопись, в которой упоминается об этом самом артефакте. И находится она у одного коллекционера древностей. Звать его Алдериком.

– Ладно, шутки в сторону. – Со второго захода Гард прикончил свое пиво и продолжил: –

Я пробежался по своим связям в городе. Спрашивал в гильдии торговцев, в гильдии алхимиков, у свободных купцов, у гномов-кузнецов, у путешественников....

– Стой, прошу, – остановил его Теор. – Мы уже поняли, что в Хартинге у тебя много связей и...

– Очень много! – Теперь уже Гард перебил его.

– Хорошо, очень много связей. Результат-то какой?

Довольный собой, гном сделал многозначительную паузу, обведя взглядом Филду и Теора, а затем заговорил:

– Алдерик-то наш – не только коллекционер древностей, но и чародей. Вот только единственное, что он умеет, это сжимать пространство. То бишь парень может засунуть, скажем, продуктовый склад в маленькую коробочку. А когда захочет, может и достать обратно, да еще и прежний размер вернув при этом.

– Это очень сложное заклинание, требует не только большой магической силы чародея, но и большого мастерства, – задумчиво произнесла чародейка.

– Ну, стало быть, парень много практиковался, – невозмутимо парировал Гард. – Кстати, говорят, что коллекция-то его настолько внушительная, что за ней немало разбойников и сорвиголов гоняются.

– Так и где найти этого умельца? – спросил Теор.

– Уж не в Хартинге, так это точно. Он здесь лишь проездом был. Дважды. Последний раз, говорят, его видели в небольшой деревеньке на севере, Вольные Луга называется.

– Вот с нее и начнем. Завтра утром, господа, отправляемся в путь. Видит Творец, нам далеко не все в Хартинге рады.

– Один стражник утверждал, что ты распугивала горожан, прохаживаясь по улицам города в мантии одного из магических орденов, – припомнил Теор свой сегодняшний разговор с Нолтом.

– Ах это! – рассмеялся Гард. – Это Филда расплачивалась за давно проигранный мне спор.

– Кстати, Теор, – обратилась чародейка к брату, встретившись с ним взглядом, – можем поговорить наедине?

– Конечно. – Теор встал из-за стола, и они вдвоем с Филдой направились к выходу из таверны.

– Недолго секретничайте только, – сказал им вслед оставшийся один за столом Гард.

Когда наемники оказались на улице, Филда посмотрела Теору в глаза:

– Давай договоримся: никаких семейных бесед и сцен. Мы взяли за выполнение крупного контракта и пригласили тебя как одного из лучших наемников нашей гильдии. – Немного помолчав, девушка добавила: – И еще из-за того, что Гард от тебя без ума. Поверь, дело не в том, что мы с тобой в детстве не ладили, просто... давай без всех этих семейных дел, ладно?

Филда старалась говорить непринужденно, но Теор уловил заметное напряжение в ее голосе. В чем дело? Сестра слукавила, сказав, что дело не в старых обидах, тогда как именно они ее и волнуют? «Нет, – подумал он, – тут что-то другое, нечто более серьезное».

– Хорошо. Будет как скажешь, – вслух сказал Теор.

Филда окинула брата взыскательным взглядом, словно проверяя, не шутит ли он. Затем круто развернулась и, отворив двери, вернулась в таверну. Теор взглянул на ночное небо, которое затягивали большие черные тучи, закрывая собой звезды. Ночью ожидалась гроза.

Постояв еще немного, наемник тоже вернулся в таверну.

Глава 4

Вольные луга

– Дорога совсем раскисла, – посетовал Гард, сидя на невысокой лошади серо-пегой масти.

– Всю ночь дождь лил, – спокойно и как бы между делом резюмировал Теор. Молодой человек сидел на высоком вороном мерине с черной же гривой.

– И это меня должно утешить? – не успокаивался гном. Его лошади, кажется, тоже не понравилась дорога, превратившаяся за ночь в одно сплошное месиво из воды и грязи. Животное шло зигзагами, петляя, норовя то и дело уйти в сторону от дороги и скрыться в неизвестном направлении, прихватив с собой заодно и всадника.

– Лучше бы сукин сын дороги нормальные проложил да камнем добротным их замостил, чем тискать очередную шлюшку... – вновь пробурчал гном.

– Ты это про императора, что ли? – подала голос до того молчавшая чародейка.

Филда ехала на довольно неказистом на вид, но выносливом коне светло-буланой масти с неестественно короткой для имперских лошадей гривой. Чародейка как раз и арендовала всех трех лошадей, Гард же настаивал на пешем путешествии.

– Про него, про него... – заворчал гном. Словно соглашаясь с ним, громко фыркнула и его ездвая.

– А вы таки находите общий язык, – не преминула задеть товарища девушка.

– Общий язык?! – Возмущению гнома не было предела, тем более что с этими словами ему пришлось вновь, как и множество раз до этого, возвращать упрямое животное на раскисшую дорогу. – Век бы лошадей не видел! Ваши-то вон идут спокойно...

– Лошадь чувствует твою неуверенность, Гард, – вмешался в разговор, грозящий закончиться перепалкой, Теор. – Неуверенность и раздражение. По большей части именно этим ее поведение и вызвано.

– Прекрасно, – пробурчал Гард. – Осталось только успокоиться и усесться вместе с лошадью медитировать. Сущие пустяки!

Трое наемников ехали по Восточному торговому тракту, что соединял сразу несколько крупных городов восточной части империи Гелинор. Они держали путь на север, в сторону Хвелеса, и, не доезжая до города пары лиг, свернули на ответвленную дорогу – даже не дорогу, а скорее неширокую тропу, что вела к маленькой деревне под названием Вольные Луга.

Из Хартинга они выехали утром, надеясь к полудню попасть в деревню. Пока Филда договаривалась об аренде лошадей и приобретении провианта, Теор отправился к местному оружейнику, гному Валаруду. Тот, поддерживая много лет взаимовыгодные торговые отношения с гильдией наемников, хорошо знал Теора и весьма обрадовался такому гостю.

Валаруд охотно продемонстрировал наемнику несколько своих инновационных идей по улучшению обычных стрел. Теперь в колчане Теора помимо привычных для него красноперых стрел покоились, дожидаясь своего часа, и стрелы довольно необычные.

Среди них была пара взрывных, наконечник которых благодаря взрывчатому порошку в нем разрывался через пару секунд после удара. Как объяснил Валаруд, для воспламенения порошку нужен именно удар, а не просто попадание в цель, а посему такими стрелами

лучше было стрелять во что-то твердое – например, в сталь или камень. Кроме того, была еще одна стрела, назначение которой оружейник наотрез отказался объяснить. «Сам все увидишь», – заверил он и посоветовал беречь ее на особый случай, при этом ехидно ухмыльнувшись. Насколько Теор знал Валаруда, подобный жест с его стороны мог значить только одно – он желал, чтобы его новое оружие было использовано в самой что ни на есть жаркой битве, и как можно скорее. Оружейник добавил также, что его *особенную* стрелу хорошо бы использовать против большой группы противников.

На вид последняя стрела мало чем отличалась от обычной. Разве что на наконечнике были выгравированы несколько крошечных рун, значение коих наемнику было неизвестно. Да и оружейник наотрез отказался их ему расшифровывать.

Чтобы Теор во время боя мог легко, не глядя, вытащить из колчана нужную стрелу, Валаруд сделал для них разное по форме и размеру оперение. Кроме того, гном поколдовал над колчаном Теора, и там появилась специальная ячейка под особые стрелы...

Между тем без труда, если не считать отчаянной борьбы гнома со своей лошадью, наемники достигли деревни. Примерно в ста ярдах от ее стен спешили и пошли далее, ведя коней в поводу.

– И это Вольные Луга?.. – осведомился Гард. Кажется, он был ошарашен.

Деревня представляла собой нечто вроде импровизированного укрепления. Селение имело идеально круглую в плане форму и по всему периметру было огорожено высоким, в человеческий рост, частоколом. За ним начиналась густая роща.

Деревня находилась в низине близ той дороги, по которой они ехали, сама же дорога резко обрывалась, не доходя до стен полсотни ярдов. Отсюда, с возвышенности, наемники могли поверх частокола рассмотреть Вольные Луга во всех деталях.

В самом центре стояло высокое и широкое здание, на вид гораздо богаче остальных. Другие строения охватывали центральное здание в кольцо. Таких вот колец, образуемых жилыми домами и прочими постройками, было два: одно располагалось ближе к центральному зданию, другое – вдоль стены частокола. По периметру частокола с его внутренней стороны располагались друг против друга четыре вышки. Они лишь немногим превышали высотой саму ограду. Все четыре сейчас пустовали.

– Да, это Вольные Луга, – запоздалым ответом нарушила молчание Филда.

– Женщина, где ты здесь луга видишь?

– Не я же название деревне выбирала, – отмахнулась чародейка.

– И от кого это они так загородились, хотел бы я знать. Такой частокол разве что от воров защитит.

– Высокие заборы могут быть предназначены вовсе не для защиты от угроз извне. Возможно, они должны не пускать наружу тех, кто внутри, – предположил Теор.

– Так ты думаешь...

– Не знаю, – пожал плечами Теор. – Просто говорю, что такой расклад не исключен.

Гард кивнул, соглашаясь с ним.

– А что нам вообще известно об этих Лугах? – поинтересовался гном.

– Конюх утверждал, что это поселение черного люда, то есть тех, кто отрекся от империи, но и не принял покровительство ни одной из гильдий.

– Чего же наш доблестный император не поставит их на место?

– Ты всерьез полагаешь, что такие вот закоулки Гелинора его волнуют? Живет здесь не больше двух-трех десятков людей, так что много налогов с них не взыщешь.

– А как же власть? Контроль?

– Нет, Гард, в этом нет смысла. Император, как ты недавно выразился, склонен тискать девок в свое свободное время, а императорскому совету не до отдаленных рубежей. И без того у них проблем хватает.

– Да уж... – Гард почесал затылок. Будучи гномом, он не мог понять подобных вещей, хотя и жил среди людей уже без малого двадцать лет. Народ гномов превыше всего ценил именно порядок в своих владениях, и достигался он любыми доступными способами.

Наемники направились к единственному входу в деревню. Он представлял собой широкие ворота из того же частокола, что забор, только менее высокого и плотно связанного толстыми пожелтевшими со временем веревками. Ворота покоились на импровизированных петлях, которые, судя по виду, не позволяли отворить створки настежь, а лишь слегка их приоткрыть. Сейчас они как раз были прикрыты и подле них стоял одинокий стражник. Довольно крепкий на вид мужчина средних лет, одетый в широкие порты и затертую местами до дыр кожаную куртку, в руках он держал простенькое копьё.

– Кто такие? – окликнул стражник приближающихся чужаков.

– Пойдем, что ли, представимся, – ухмыльнувшись, предложил гном.

Однако не все разделяли его энтузиазм. Стоило наемникам сделать несколько шагов по направлению к деревне, как лошади неистово заржали, и одна за другой, вставая на дыбы, вырвали поводья из рук всадников и поскакали галопом обратно, в сторону Восточного тракта.

– Ох не нравится мне все это... – вздохнул Гард.

Когда оставшиеся без лошадей наемники подошли к воротам, стражник повторил вопрос и перехватил поудобнее копьё, словно давая чужакам понять, что он начеку.

– Мы из гильдии наемников, прибыли с важной миссией, – важно сказал Гард, показав стражнику своего морского грифона. – Нам бы вашего старосту увидеть или того, кто у вас тут за главного.

– Не пропущу, – отрезал стражник, поплотнее прикрыв ворота. – Валите-ка вы обратно в свою гильдию.

– Как невежливо, – усмехнулся Гард. – Ну что ж...

Не договорив, гном резко выбросил правую руку вперед, захватив стражнику в живот. От неожиданности и сильного удара мужчину согнуло пополам, и он невольно выронил копьё.

– Так все-таки, может, пропустишь или мне еще раз тебя ударить? – спросил у стражника Гард, похлопав того по спине.

Стражник ничего не ответил. Он лишь неуверенно выпрямился и молча отворил ворота, пропуская наемников в деревню. При этом старался не смотреть на них, отвернувшись куда-то в сторону.

– Очень дипломатично, – сказала Филда. В ее голосе слышались нотки укора.

– Не стоит благодарности, – засмеялся гном, ничуть не смутившись.

Когда они оказались в деревне, дверь дома, стоящего в самом ее центре, распахнулась, и оттуда к ним спешно вышел низкий пухлый мужчина, совершенно лысый, с густыми рыжими усами. Одет он был в черный кафтан, расшитый золотыми нитями, и такие же штаны. Одежда была явно не из дешевых, что выдавало в нем местного богача. Мужчину сопровождали двое стражников.

– Вы кто такие, черт побери?! – взорвался толстяк, приблизившись к наемникам. – И как вы сюда попали? – добавил он не менее возмущенным тоном.

– Я Филда, Мастер гильдии наемников, – на этот раз говорить взялась Филда. – Это Гард, – она указала на гнома, – и Теор. Они также Мастера нашей гильдии. Мы прибыли в ваше поселение в поисках человека по имени Алдерик.

– Я староста Вольных Лугов, – лысый мужчина гордо вскинул подбородок, – и то, что вы наемники, не объясняет того, как вы сюда вошли.

– У вашего стражника живот прихватило... – По лицу Гарда расплылась довольная ухмылка, но единственного взгляда Филды оказалось достаточно, чтобы гном осекся и сделал серьезное лицо.

– Да как вы... – начал было староста; его глаза метали молнии, на лбу вздулась синяя вена. Но через секунду он продолжил уже спокойно, хотя и не без раздражения в голосе: – У нас в деревне нет никого по имени Алдерик. К вашей же драгоценной гильдии мы не имеем никакого отношения и не признаем над собой ничьей власти – ни гильдий, ни прогнившей до основания империи с ее жалким императором. Услуги наемников нам также не нужны. Никто в нашей деревне с вами разговаривать не станет, так что прошу вас удалиться. Пока прошу. Если через полчаса вы все еще будете в деревне, нам придется выгнать вас силой.

Один Творец ведает, сколько усилий стоило этому человеку высказать такую браваду, вместо того чтобы просто бессвязно наорать на досаждающих ему чужаков или тем паче натравить на пришельцев своих стражников. Староста круто развернулся и зашагал прочь и через минуту скрылся вместе со стражей в своем доме.

– Хотел бы я посмотреть, как они нас силой будут выгонять! – воскликнул Гард.

– Не спеши с выводами, – ответила товарищу чародейка.

– Почему это? – удивился гном.

– Объясню, когда разберемся, в чем здесь дело. Но старосте явно есть что скрывать.

Только теперь наемники заметили, что остались на деревенской улице совершенно одни. Во всех домах были плотно закрыты двери и окна, которые прятались за неуклюже сбитыми, но прочными ставнями. В деревне воцарилась неестественная и угнетающая тишина.

– Простите... – услышали наемники позади себя робкий, но в наступившей тишине показавшийся очень громким голос. Гард даже подскочил от неожиданности.

– Святой камень! Парень, зачем же так пугать?! – не помедлил гном высказать претензии человеку, заставшему его врасплох.

– Простите, я вовсе не хотел подкрадываться. Но скажите, я ведь не ослышался, вы действительно наемники?

Перед ними стоял высокий сухощавый мужчина лет тридцати. Худое вытянутое лицо и длинный крючковатый нос делали его похожим на хищную птицу.

– Да, – коротко ответила Филда.

– Прошу вас: мы можем поговорить наедине? – Теперь голос мужчины звучал гораздо увереннее.

Чародейка кивнула. Этот мужчина мог что-то знать, поэтому приватный разговор с ним был наемникам только на руку.

– Тогда следуйте за мной. Староста не должен слышать наш разговор. – Сделав рукой жест следовать за ним, человек повел наемников через деревню к своему дому – единственному, по его мнению, безопасному месту в Вольных Лугах.

Мартериус шел по лесу, пытаясь уловить отзвук портала. Слух обычный, человеческий, сейчас оставался без дела – чародей пользовался внутренним осязанием мира. Его ноги наступали на мягкую землю, но сам он ощущал не ее, а мельчайшие колебания и лишь ему одному заметные сполохи духа леса. Мало кто знал, даже из числа сильных чародеев, что астрал был настолько сильно и неотвязно связан с мирами Мировой Сферы, что находил свое отражение в мельчайших деталях этих самых миров.

Взять хотя бы этот лес. Здесь астральные эманации просачивались в воздух, землю, деревья и даже камни, которые многие наивно считают абсолютно безжизненными. И все это великолепие составляло единое целое, которое Мартериус как раз и именовал для себя духом леса.

Любой портал подобную систему нарушал, оставляя в ее теле рваную рану, которая больше никогда не зарастала, даже уничтожь кто-нибудь саму причину возмущения. Порталы народа, который он искал, были совсем иными. Они не разрывали эманации астрала, нарушая его привычную циркуляцию; они словно ложились поверх, образуя два дополнительных слоя – над и под. Мартериус всегда считал, что подобные тонкие материи было непросто описать примитивным человеческим языком.

Пока чародей искал исходящий от портала отзвук, он вновь прокручивал в голове цель своего поиска – не того, что он начал довольно давно, а текущего, на который он и согласился, поверив незнакомцу в маске, что тот в самом деле имеет нужные старику сведения. Думать о самом незнакомце Мартериус себе строго-настрога запретил.

Итак, он искал вход в Паталу, искусственно созданный своими единственными жителями город, который хотя и находился в пределах мира Гелинор, но в то же время оставался вне досягаемости для других обитателей этого мира. С теоретической точки зрения Патала была как бы приклеена к миру Гелинора, располагаясь между ним и астралом. С практической же точки зрения местоположение города Мартериус объяснить не мог. Ведь в его размещении в системе миров принял участие сам Великий Дракон, в честь которого получил название этот мир и крупнейшая в его пределах империя, а пределы его возможностей были Мартериусу неизвестны.

Тем не менее из Паталы в Гелинор и наоборот вели два портала – один находился на Западном континенте, другой здесь, на Серединном континенте. Последний как раз и искал Мартериус. Что же до населения этого необычного места, то обитали в нем наги. Полубожественные демоны, пришедшие много столетий назад из далекого мира. Они имели человеческие торсы и головы, человеческие же ноги заменял большой змеиный хвост. То были смертоносные воины и искусные чародеи, чья магия разительно отличалась от той, которой владели жители Гелинора.

Мартериус был знаком со многими из них: в частности, с их царем, мудрым Васуки, и его сестрой, наследницей трона, яростной Джараткарой. Хотя с их последней встречи и минула чуть ли не половина тысячелетия, старый чародей знал, как добиться своим визитом желаемого результата. Вот только вряд ли ему дадут так просто попасть в Паталу.

Размышления старика прервал свист смертоносной стали, рассекающей воздух. Стала, которая едва не прервала его долгую жизнь. Лишь высокое магическое мастерство и выработанные рефлекс тела – ведь когда-то давно Мартериус был бойцом, и, как он сам с гордостью считал, бойцом весьма выдающимся – позволили чародею в считанные мгновения прервать свое магическое зрение и в последний момент пригнуть голову. Клинок пронесся в опасной близости от чародея, едва не задев его.

Мартериус отскочил в сторону и, отбросив бесполезный сейчас походной посох, вскинул руки, словно простой кулачный боец, готовый к сражению. Стража портала дала себя обнаружить раньше, чем предвидел это чародей, но это и хорошо; он ухмыльнулся про себя. Самое время вспомнить молодость.

Незнакомец привел троих наемников в свой дом и, заперев за ними дверь, прильнул одним ухом к деревянной преграде, что отделяла его пристанище от остального пространства деревни. Лишь убедившись в отсутствии хоть каких-то признаков опасности, мужчина успокоился и вернулся к гостям.

Жилище его было довольно скромным даже по деревенским меркам и имело всего две небольшие комнаты. Сейчас вошедшие расположились в той, которая одновременно являлась прихожей, кухней и гостиной. В центре комнаты стояли невысокий, слегка покосившийся деревянный стол и три стула вокруг него, состояние которых было ненамного лучше, чем у их деревянного собрата.

Едва наемники оказались внутри, гном без промедлений плюхнулся на один из стульев, тем самым заняв себе место. При этом его лицо расплылось в широченной ухмылке. Филда нахмурилась, глядя на выходку самодовольного напарника. «Столько лет, а он все никак не повзрослеет...» – эта мысль легко читалась во взгляде Филды, и похоже, именно это как раз и забавляло Гарда больше всего.

Из двух оставшихся стульев один занял хозяин жилища, свободным остался лишь один. Стало быть, кому-то из наемников придется постоять. Чародейка взглянула на брата, и тот едва заметно кивнул в ответ, давая понять, что примет сей *ужасный* удар на себя.

Кроме упомянутых стола и стульев в комнате был небольшой открытый очаг и самодельная чугунная решетка над ним для приготовления пищи, вешалка для одежды, небольшое железное корыто и немногочисленные принадлежности для умывания и мытья посуды – вот и весь интерьер комнаты. Хотя была здесь еще маленькая неприметная тумбочка, которая тем не менее сразу же привлекла внимание Теора.

На этой тумбочке, что напоминала неказистый простенький постамент, стояла, с ладонь высотой, резная фигурка бородатого пухлого старика. Закрыв глаза и широко улыбаясь, он протягивал вперед руки. На раскрытых и обращенных вверх ладонях покоился небольшой кусок розового кварца.

Теор не был суеверен и мало интересовался подобными вещами, но все же прекрасно знал, что означала эта фигурка. Дед-оберег – так называли этот символ в народе. Считалось, что, самостоятельно вырезанная из куска дерева, такая фигурка оберегала дом и его жителей. Камень же, или минерал, возложенный на его раскрытые ладони, добавлял особый эффект. Кварц, например, по преданию, приносил удачу и благосклонность судьбы.

Несмотря на скромность помещения, в глаза все же бросался домашний уют, созданный его хозяином. Пусть стол со стульями и не были произведениями столярного искусства, но аккуратно изукрашены простеньким орнаментом в виде переплетающихся листьев и веточек, на столе коротковатая, но чистая скатерть, единственное окно в комнате завешено шторой, сшитой явно неумелой рукой, но с любовью.

Переведя взгляд в другую комнату, Теор заметил маленькую русоволосую девочку, сидящую на кровати. На коленках она держала довольно внушительных размеров книгу, которую читала, резво водя тоненьким пальчиком по строчкам, беззвучно проговаривая при этом слова одними губами. Проследив за взглядом брата, заметила девочку и Филда.

– Учите дочку читать? – спросила наемница хозяина дома.

– Нет-нет... что вы! Я сам-то хоть и умею, но читаю довольно плохо. Малышку учила моя жена. – Немного помолчав, мужчина добавил, понизив голос, дабы девочка не услышала его: – Лизы не стало два года назад, и с тех пор дочурка очень много читает. Говорит, мол, так она вспоминает маму...

– Соболезную вашей утрате, – ответила чародейка.

– Спасибо, – кивнул мужчина и, выйдя из-за стола, прикрыл дверь в соседнюю комнату.

Девочка даже не заметила, что в их доме посторонние. Казалось, ничто на свете не способно было сейчас оторвать ее от чтения.

Прикрыв дверь, хозяин дома вновь сел напротив наемников. Он явно не знал, как начать разговор и как вести себя с незнакомой ему прежде троицей.

– С чего бы начать... – вздохнул он.

– Неплохо было бы для начала представиться, – предложила собеседнику Филда.

– Ах да, вы правы, – спохватился мужчина. – Меня зовут Сэлус, я священник.

– Вы не очень-то похожи на священнослужителя, – заметила Филда, глядя собеседнику в глаза.

Под пристальным взглядом чародейки мужчина оторопел; быстро переведя взгляд в сторону, тяжело вздохнул и пригладил рукой растрепанные волосы. Вид у него был неважный. Лицо заросло щетиной, под глазами синие круги, а щеки глубоко впали. Да и одет был мужчина просто – в мешковатую рубашку серого цвета и такие же штаны. Кроме того, в его жилище не наблюдалось ничего из числа традиционной атрибутики священников.

– Понимаю, о чем вы. Глядя на меня, ведь не скажешь, что я несу слово веры в народ, верно? – Сэлус наконец решился встретиться взглядом с чародейкой. Когда он продолжил, голос звучал немного увереннее: – Сейчас здесь, в Вольных Лугах, и церкви-то нет, да и верить людям больше не во что. Но раньше я в самом деле был священником. Я служил гласом, облеченным в плоть – как Гелинора, Великого Дракона, так и Творца.

– Вы верите одновременно и в Гелинора и в Творца? – искренне удивилась Филда.

– Не часто такое можно услышать, правда? Но я искренне негодную, когда слышу, как люди по незнанию отвергают ту или иную стезю Высших сил. Судите сами: существование Гелинора нельзя отрицать, ибо как люди, так и эльфы описали в своих хрониках историю пришествия Великого Дракона в наш мир. Но вряд ли этот мир был создан драконом, будь он хоть трижды великим. Нет, и посему нельзя считать ересью веру в некое абсолютно высшее существо, создавшее все и вся.

Сэлус говорил уверенно, как прирожденный оратор. Было ясно, что в вопросах веры он был более чем сведущ. Не закоснелый суеверный фанатик, но верующий, способный рассуждать и убеждать других в правоте своих мышлений.

– С вашей точкой зрения сложно поспорить, – ответила Филда.

Сэлус кивнул. Он счел это комплиментом в свой адрес.

– Послушайте, – продолжил бывший священник, – сейчас не об этом. Вы должны нам помочь. Моей дочери, моей Сэлли, исполнится скоро восемь. И тогда... – Сэлус замолчал и закрыл лицо руками.

– Помочь? Мы даже не знаем, что здесь происходит.

– Я... я все вам расскажу. Я не могу больше молчать.

Сэлус понизил голос и начал свой рассказ, то и дело поглядывая на зашторенное окно, будто в любой момент ожидал увидеть за ним кого-то или что-то.

– Наша деревня, как и многие, что стоят на окраинах империи, всегда была сама по себе. Это случилось не вчера и вовсе не из-за нынешнего императора. Нет. Так было всегда. И при отце императора, и при отце его отца. Конечно, налоги империя с нас взимала, а вот о помощи таким, как мы, никогда не вспоминала. Причины всегда разные – война, внутренние распри, пираты, чума и так далее, но результат всегда один. У нас в Лугах всегда была маленькая и дружная община. Вместе справляли праздники и свадьбы, а ежели приходила беда в одну из семей, то помогали несчастным всей деревней.

И от начала первой семьи нашего поселения старосты всегда вели подробные хроники. Знаете, записи рецептов, народных поверий, вплоть до баек у костра. А еще поговаривают, что в основании нашей деревни принимала участие колдунья из древнего рода, в котором были сплошь такие, как она. Булс, наш теперешний староста, всегда интересовался подобными фактами. И вот в один проклятый день он нашел в бумагах предшественников записи об этой самой колдунье: мол, она имела власть призывать из другого мира духов, чтобы они защищали тех, кто воззвал к ним...

– Весьма сложное и опасное заклинание. Причем опасно оно как для того, кто использует его, так и для всех вокруг, – нахмурившись, сказала чародейка.

– Да, истинно так. И мы испытали это на себе, – ответил Сэлус, сокрушенно всплеснув руками. – Булс нашел старые бумаги с описанием вызова одного духа. Абаас – так колдунья называла это существо. Староста углубился в чашу позади нашей деревни и провел описанный колдуньей ритуал. Абаас явился без промедлений. Ах если бы мы знали... знали заранее...

С каждым словом и без того осунувшееся лицо мужчины мрачнело все сильнее. Казалось, он проживал события из своих воспоминаний заново.

– Абаас явился не просто духом, он был заключен в каменную плоть. Дух стал примерным помощником нашего старосты, – меж тем продолжил Сэлус, – он защищал деревню от разбойников и сборщиков налогов, приносил откуда-то много еды, золото, роскошную одежду. Всего за неделю Булс стал самым богатым и влиятельным человеком не только в нашей деревне, но и во всей округе. Но была у этой медали и вторая сторона: абаас жесток, свиреп и кровожаден. Стоило старосте отдать приказ – и дух мог разорвать человека на куски. Но самым страшным в приходе духа стала цена, которую абаас потребовал за свою службу. Дети, маленькие дети... Это чудовище ест детей! Младенцев – у полной семьи, и восьмилеток – у вдовцов. Почему именно этот возраст?! Проклятье! Я не знаю и не хочу знать, что за извращенные правила у этого людоеда!

Сэлус стукнул со всей силы кулаком о столешницу. От сильного удара дерево жалобно затрещало. В глазах бывшего священника ярился гнев. Но вот он сглотнул и, глубоко вздохнув, покосился на запертую дверь комнаты, где его дочь была занята чтением. Мужчина успокоился, хотя сделать это ему было нелегко.

– Почему же вы просто не уехали из деревни? – спросила чародейка.

Из трех наемников говорила только Филда. Гард молчал, и Теор сразу смекнул, что в этой парочке главной была именно чародейка, несмотря на разницу в возрасте и больший стаж в гильдии у гнома. И это если забыть о вздорном и задиристом поведении Гарда. Теор же не собирался навязывать свою кандидатуру на роль лидера их едва созданного отряда. Посему Филда стала их негласным предводителем. Теор считал это лучшим способом посмотреть на то, какова его старшая сестра в деле, и именно поэтому собственная пассивная позиция его полностью устраивала.

– Мы пытались! – возразил Сэлус. – Но Булс нанял воинов для охраны деревни, чтобы держать нас здесь, и огородил поселение частоколом. Хотя одной семье все же удалось бежать...

– И?

– И на следующий день их изуродованные тела абаас вернул обратно в деревню. Этот сукин сын, именующий себя старостой, вырезал соседние деревни и забрал всех их детей. А нас... нас он заставляет сношаться и плодиться как дикий скот!

Кулак снова потревожил поверхность стола, и жалобный звук, что издала древесина, кричал лишь одно: «Еще одного удара я не вынесу!»

– Послушайте, вы должны помочь нам. Сэлли скоро исполнится восемь, и Булс сказал, что она будет *следующей*! Я знаю, что наемники не помогают просто так, но... – Сэлус замолчал, рассеянно обдумывая все возможные варианты, и, решившись, поспешно добавил: – У меня нет денег, но быть может, я смогу вам помочь. Я слышал на улице, когда вы говорили с Булсом, что вы кого-то ищете.

– Да, такой вариант возможен, – кивнула Филда. – Платой за исполнение контракта могут служить не только деньги, но и определенные услуги или же информация. Вид и размер платы определяет сам наемник вместе с клиентом.

– Понятно. Так... так кого вы ищете?

– Нам необходимо найти известного коллекционера древностей Алдерика. По имеющейся у нас информации, он не так давно прибыл в вашу деревню. Знаете такого?

– Да, – порывисто кивнул Сэлус.

– Он все еще в деревне?

– Не совсем... – уклончиво ответил бывший священник. – Но я могу вас отвести к нему.

– Вы уверены?

Вновь порывистый кивок.

– Что ж, – заключила чародейка, – в таком случае мы можем заключить с вами контракт. Мы избавим вашу деревню от абааса, а вы отведете нас к упомянутому Алдериду.

– Согласен. Мне нужно подписать какую-то бумагу или...

– Ничего такого, достаточно будет устной сделки. Но я должна сразу вас предупредить, что, заключив сделку, вы обязаны будете осуществить оговоренную плату сразу же после того, как мы выполним указанные вами условия. Иначе... – Филда прикинула, какое слово лучше использовать. – Скажем так, последствия вам не понравятся. Однако, в свою очередь, вы получаете гарантию исполнения нами условия контракта.

– А если вы не сможете его исполнить? – робко поинтересовался Сэлус.

– Тогда вы освобождаетесь от оплаты контракта, – ответила Филда.

– Я согласен, – твердо заявил мужчина.

– Хорошо. Любой контракт гильдия наемников скрепляет специальным заклинанием-печатью. Протяните руку.

Сэлус повиновался, и чародейка крепко сжала протянутую ладонь.

– Мы, Мастера гильдии наемников, числом трое, носящие имена Филда, Гард и Теор, принимаем контракт на исполнение. – Филда произносила стандартный текст скрепляющего контракт заклинания. – По условию контракта мы обязуемся уничтожить злого духа абааса, терроризирующего деревню Вольные Луга, в кратчайшие сроки. Заказчиком контракта выступает человек, носящий имя Сэлус. В оплату исполненного контракта будет принята услуга заказчика по предоставлению нам информации о точном местоположении человека,

носящего имя Алдерик. Подтверждаете ли вы, Сэлус, все вышесказанное?

– Да, – уверенным голосом ответил мужчина.

Морской грифон на руке чародейки засветился так ярко, что стал виден через плотную ткань рукава. Через мгновение сияние померкло, а на тыльной стороне ладони Сэлуса появилось изображение свернутого в трубку пергамента, который был скреплен печатью; на ней красовался морской грифон, такой же, как на руках у Мастеров гильдии наемников. Еще через мгновение изображение пропало, а Сэлус в удивлении разинул рот.

– Никогда такого прежде не видел. А что делает эта ваша печать?

– Следит за достоверностью исполнения контракта и его оплаты.

– И наказывает тех, кто решит сжульничать, – вставил свой комментарий гном. – Сильно наказывает, – добавил Гард, ухмыляясь.

Еще один клинок рассек воздух возле самого носа старого чародея, а перо копья едва не проткнуло ему грудь. Мартериус отпрыгнул назад, но, не удержавшись на ногах, упал, растянувшись на траве. Не теряя времени, он перекатился через плечо и вскочил на ноги. В спине что-то предательски хрустнуло, и поясницу захватила ноющая боль.

Ну вот, не хватало еще многоопытному чародею погибнуть оттого, что у него прихватит спину во время сражения или еще что-нибудь в этом роде. Мартериус плохо разбирался во всех этих «премудростях» стареющего человеческого тела, хотя и сам был вот уже лет этак триста стариком. Обычно он просто заглушал любую боль при помощи магии и вливал в себя магическую силу для дальнейшей относительно беззаботной жизни.

Возможно, и стоило в свое время больше внимания уделять некромагии. Но Мартериус всегда презирал некрмантию и не хотел иметь с ней ничего общего. Так что о новом теле можно было и не мечтать.

Старый чародей потянулся к своему личному источнику магии, черпая из него силы. Именно так Мартериус любил именовать энергию астрального луча. Своими личными закромами силы. Ведь все остальные, будь то чародеи, маги, колдуны, знахари – не важно кто, черпали силы непосредственно из астрала. Творящий волшебство либо придавал определенную форму уже разлитым в этом мире астральным эманациям, либо черпал силы из самого астрала, пропуская его магическую суть через себя, и выплескивал эту силу в мир, опять же придавая ей определенный облик.

Именно так и творилась магия. Не только в Гелиноре, но и во всех остальных мирах, что вращались вокруг Мировой Сферы. Были еще гномы, которые, как все думали, не способны использовать магию. Наивное заблуждение. Гномы, как и все в сущем, были связаны с астралом и могли пропускать его силу через себя. А вот облекать эту силу они могли лишь в форму рун и руниров, что и было единственным отличием их магии от магии остальных жителей того же Гелинора.

Мартериус владел магией по тому же самому принципу, что любой другой чародей, за одним лишь исключением – старый чародей черпал силы не из астрала, а из той энергии, которую выделяет астральный луч, пронзающий Мировую Сферу, словно голодный червяк – спелое яблоко. Эта энергия была на порядок мощнее, чем та, что чародеи черпали из астрала, и потому заклинания Мартериуса были гораздо сильнее и искуснее, чем едва ли не у всех, кто владел магией.

Мартериус прекрасно знал, что он единственный, кто обращается к астральному лучу при волшебстве. По крайней мере, в Гелиноре. И это делало его уникальной личностью.

Но магия астрального луча была крайне опасна. Осмелившегося оседлать ее она могла не просто сбросить с седла, но и разорвать его между делом на мелкие кусочки. В буквальном смысле.

Не одно десятилетие упорных тренировок позволили Мартериусу достичь того, чтобы сила астрального луча отзывалась мгновенно, по первому же зову чародея. Однако сейчас, когда он начинал слабеть, ему все труднее становилось сдерживать магическую энергию луча, когда он пропускал ее через себя. Вполне возможно, что однажды эта сила сожжет чародея, а вырвавшись на свободу, уничтожит и полконтинента в придачу. Мартериус всегда знал, что существует подобный риск, и потому дал себе клятву собственными руками оборвать свою нить жизни, едва только почувствует, что не способен более удерживать под контролем используемую им силу. Он не допустит подобной ошибки. Он не станет виновником еще одной глобальной катастрофы.

Мартериус скрестил руки на груди. На него наступало около двух десятков гиртаблили – стражей портала Паталы. Это были существа с человеческим торсом и скорпионьим телом. Голый череп, черные глаза без зрачков, бугрящиеся мышцы и внушительных размеров ядовитое жало – такие стражи определенно могли внушать опасение. Кожу им заменяло золото, но не обычное, которое могла помять зубками даже нежная девица. То было нагийское золото, по прочности не уступающее гномьей стали.

Десяток стражей были вооружены длинными копьями, другая половина – длинными парными клинками. Оружие у гиртаблили, как и они сами, было сплошь из золота.

– Инфассентум мильте! – Властный голос чародея вспорол воздух, как нож мясника – тушу.

Жест, слово и разум – три пути сотворения заклинаний. Катализаторы заклятий, помогающие придавать магической силе нужную форму – как говорили в имперской магической академии. Для наиболее сильных заклятий Мартериус использовал все три способа.

От силы заклинания вздрогнула земля под ногами и завибрировал воздух. Прямо перед чародеем возникла призрачная фигура некоего демона с длинными, завитыми в кольца рогами и четырьмя когтистыми руками. В каждой из них демон сжимал по призрачному мечу. Сначала расплывчатый, словно туман, демон с каждой секундой зримо уплотнялся, принимая все более четкий вид. Когда фигура чудища окончательно сформировалась, он возвышался над гиртаблили, да и над Мартериусом тоже, на добрых шесть футов.

Стражам портала же, казалось, не было никакого дела до появившегося перед ними демонического создания. Они быстро окружили чародея. Гиртаблили смотрели лишь на него – ведь их делом было устранить угрозу для портала, а ею являлся именно Мартериус. Золотые люди-скорпионы стремительно пошли в атаку.

Чародей крутнулся на месте, взмахнув рукой. Демон повторил его движение, и один из его клинков перерубил копьё стража надвое. Другому гиртаблили демон отсек жало, третьему – две лапы. Мартериус крутился как волчок, манипулируя своим созданием, словно куклой-марионеткой.

Гиртаблили продолжили попытки достать человека, при этом даже не пытались защититься от рогатой твари, размахивавшей четырьмя клинками. Словно она для них и не существовала вовсе. Лишь когда Мартериус рукой сотворенного демона разрубил одного из стражей пополам от головы до брюха, гиртаблили наконец заметили призрачного монстра. И их внимание резко переключилось с чародея на демона.

Восьмифутовый рогатый монстр был для гиртаблили куда более удобной целью, нежели старик, которого защищал этот самый монстр. Мартериус вращал своего демона по спирали, стараясь убить или обезоружить как можно больше гиртаблили. Но и стражи портала не теряли времени даром. Сразу два копья вонзились в бок демона, и тот взревел так, что у старого чародея заложило уши. «Схалтурил ты с заклятием, старик, – вздохнул про себя Мартериус, – тварь-то не должна была чувствовать боли...»

Чародей поразил еще трех золотых людей-скорпионов, и еще одно ранение получил его демон. Кто-то из стражей исхитрился в прыжке полоснуть клинком по спине рогатого монстра. Мартериус влил в свое тело немного магической силы, что позволило ему двигаться гораздо быстрее. Клинки демона теперь укладывали одного стража за другим.

Разрубая очередного гиртаблили, словно большой кусок масла, чародей упустил из виду другого человека-скорпиона, и тот отсек клинком демону руку. Брызнула кровь, и демон конвульсивно дернулся. Мартериус едва удержал контроль над его сознанием. Чародей усилил поток магии, исходящий от него к демону, и с его помощью тот заработал клинками еще активнее прежнего. Гиртаблили падали замертво, натываясь на вихрь убийственной призрачной стали.

Когда перед Мартериусом остались лишь трое стражей портала, а демон лишился еще двух рук, он отпустил поводок и полностью погасил контроль над призванным существом, оставив ему при этом обретенную материальность. Демон удивленно заморгал глазами, из обрубков отсеченных конечностей обильно текла кровь. Отскочив в сторону, старый чародей наблюдал, как оставшаяся тройка стражей портала напала на демона. Двое из гиртаблили перерубили демону ноги, а когда рогатый монстр рухнул на траву, последний из стражей вогнал ему копьё в раскрытую пасть.

Не дожидаясь окончания этой сцены, Мартериус выкинул руку вперед, и двоих из гиртаблили поразила ветвистая искрящаяся молния. Последний оставшийся страж напал на чародея. Из оружия у него оставалось лишь ядовитое жало и голые руки.

Гиртаблили молниеносно выбрасывал жало, стараясь пронзить тело противника. Никакая реакция тела не спасла бы Мартериуса от таких стремительных выпадов. Чародею приходилось каждый раз уплотнять воздух перед собой, чтобы иметь возможность уйти от смертельного удара. И даже с учетом этого он едва успевал уходить от атак стража портала. Но защищаться вечно Мартериус не мог, на это не хватило бы сил даже у него. И чародей атаковал. Его кулак окутался шаром голубого пламени, и Мартериус, уйдя от очередного удара, успел сам ударить стража снизу вверх. Удар пришелся в хвост гиртаблили, пламенный кулак перебил его надвое, и ядовитое жало упало на траву, окутавшись голубым огнем, который мгновенно превратил его в пепел.

Гиртаблили отшатнулся и попятился, но Мартериус не медлил. Пламенный кулак врезался в лицо золотокожего стража, и его голова с треском лопнула, словно перезревшая дыня.

Тяжело дыша, чародей оглядел место сражения. Все стражи портала лежали замертво, как и сотворенный им демон. Да, это была славная битва. Хотя, кажется, Мартериус был уже староват для таких приключений.

Он почувствовал во рту что-то соленое и сплюнул. На траву упал красный сгусток вязкой субстанции. Кровь. Его кровь. Возможно, ему нужна небольшая передышка, и тогда...

Чародей не успел закончить мысль, как чья-то грубая магическая сила подняла его над землей и швырнула в сторону, словно тряпичную куклу.

Глава 5

Абаас

Сэлус показал наемникам подземный ход, который начинался в подполье его дома. По его словам, этот ход ведет за пределы деревни, как раз туда, где должен был находиться абаас. Сам Сэлус остался дома с дочкой, а трое наемников спустились вниз. Бывший священник упомянул, что этот ход прорыл его прадед в целях какого-то магического ритуала.

Совсем скоро наемники убедились, что подземный ход был действительно весьма необычным. Он уходил вниз под небольшим уклоном, закручиваясь в спираль, каждый из трех витков которого огибал деревяню кольцом. Путь освещали бесчисленные масляные лампы, стоящие прямо на полу хода, вдоль стен. В самих же стенах на одинаковом расстоянии друг от друга имелись круглые серебряные пластины. Впрочем, в самих пластинах ничего примечательного не было. Лишь гладкая поверхность драгоценного металла, без какой-либо гравировки или чеканки.

– Сколько ж они серебра здесь испортили... – проворчал гном. – И зачем было помечать тоннель сотнями этих пластин?

– Двести двадцать две... – сказала Филда, не глядя на товарища.

– Что? – спросил Гард и, видя, что чародейка на него не смотрит, обогнал ее так, чтобы оказаться прямо перед ней.

Однако наемница продолжала идти, о чем-то размышляя, и гному пришлось продолжить движение, пятясь назад, дабы не столкнуться с чародейкой.

– Важен не сам подземный ход, а эти пластины, – сказала Филда, взглянув наконец на Гарда. – Ход прорыли так, как прорыли, лишь для того, чтобы расположить пластины по спирали. Думаю, их по двести двадцать две штуки на каждом витке тоннеля.

– С чего ты взяла? Я хочу сказать, почему именно такое число? – не отставал гном.

– Помнишь, Сэлус сказал, что его прадед занимался ритуальной магией? – Гард кивнул. – Так вот, мне знакома эта система. Спираль часто используется для завихрения магической силы, серебро же, в свою очередь, для ее фокусировки.

– Допустим, – не унимался гном. – Ну а что с числом-то?

– Три витка по двести двадцать две пластины дают в сумме шестьсот шестьдесят шесть серебряных пластин. Число зверя, или, как некоторые говорят, число Дьявола.

– Того самого Дьявола? – удивился Гард. – Я думал, это лишь сказочка, которой вы, люди, пугаете своих детишек.

– Некоторые то же самое думают и о Творце. Дьявол – скорее собирательный образ всяческого зла и его проявлений. А его число – как бы символ запретных, а оттого злых, знаний.

– Все равно не понимаю, – насупился гном.

– У алхимиков есть легенда о некоем эликсире, что дарует любому, кто его выпьет, бессмертие и всеобъемлющее знание. Легенда утверждает, что для приготовления этого эликсира требуются шестьсот шестьдесят шесть различных ингредиентов.

– Теперь ясно, – повеселел Гард. – Но при чем здесь дед отошедшего от дел святоши и этот подземный лаз?

– Я думаю, он защищался от абааса. По какой-то причине этот дух всегда был заинтересован в том, чтобы попить в этой деревне. Вот местный чародей и соорудил с размахом ритуальный талисман для защиты.

– Почему же сейчас защита не действует? – спросил до того молчавший Теор.

– Жертвоприношения, – ровным голосом ответила ему сестра. – Невинная кровь способна смыть и не такие преграды.

Вскоре ход наконец-то пошел по прямой и вверх, что предвещало скорый выход на поверхность. И верно: спустя немного времени трое наемников обнаружили впереди простую деревянную дверь с железной ручкой.

– Ну что, пойдём поздороваемся с этим абаасом? – предложил Гард.

– погоди, – остановил его Теор, обнажая при этом свой меч. – За дверью кто-то есть.

– Ты уверен? – спросил Гард, тоже доставая из-за спины секиру.

– Филда, ты можешь убрать дверь? – Вместо того чтобы ответить гному, наемник повернулся к сестре.

– Убрать? Как именно?

– Любым способом. И еще, – Теор улыбнулся, – дверь при этом может и пострадать.

– Что ты задумал? – спросил с подозрением Гард.

Но чародейка уже послала по направлению к двери сгусток уплотненного воздуха, а Теор рванул следом. Ударив в дверь, воздушный таран сокрушил ее в мгновение. Обломки двери и деревянные щепки разлетелись во все стороны.

Теор выскочил наружу и, развернувшись влоборота, рубанул клинком слева от себя. Лезвие флисы рассекло высокому мужчине грудь, обломки металлических колец доспеха вперемешку с кровью полетели в стороны. Стражник даже не успел вытащить меч из ножен. Теор резко развернулся вправо, где стоял еще один воин. Крепкий коренастый стражник едва успел удивиться вонзившейся ему глубоко в щеку длинной острой щепке от разнесенной двери, а смертоносная сталь в руках наемника уже пронзила ему сердце.

На большой поляне, охваченной кольцом деревьев, остались трое. Над черным алтарем, сплошь покрытым пятнами засохшей крови, склонился худощавый мужчина в длинном, до пят, балахоне ярко-синего цвета; Теор не сомневался, что это был чародей. Рядом с ним застыли словно изваяния двое стражников в простеньких доспехах, с алебардами в руках.

Казалось, что разлетевшаяся в щепки дверь несколько их не интересовала. Но стоило пасть их товарищам, как чародей резко обернулся, выронив какой-то предмет из рук. Взяв себя в руки, он двинулся навстречу наемнику, оба стражника с алебардами следовали за ним шаг в шаг. Теору только это и нужно было. Наемник ринулся им навстречу так, словно от этого зависела не только его жизнь, но и жизнь во всем сущем.

Вся троица остановилась, явно растерявшись. Тем не менее чародей вскинул руки, и с его пальцев сорвался огненный шар, устремившийся к Теору. Тот даже не попытался увернуться, а на полном ходу рассек флиссой огненный шар прямо в воздухе. Магический огонь погиб, едва зародившись, рассыпался снопом бесполезных искр. Второй попытки испепелить себя Теор чародею не дал. Воин нырнул под выставленные стражниками алебарды и, оказавшись с чародеем лицом к лицу, одним ударом отсек тому голову. Двое других воинов прожили немногим дольше поверженного чародея. Одному из них Теор вонзил в горло стрелу, выхваченную из колчана, второму пронзил грудь флиссой.

Когда на поляну вышли Филда с Гардом, сражение уже закончилось.

– Проклятье, Теор... – проворчал гном, осматривая поверженных. – Ты их всех положил!

– Не одобряешь? – удивился Теор, возвращая клинок в ножны.

– Я не то чтобы ярый противник убийств... – неуверенно ответил Гард. – Я и сам за свою жизнь многих убил. Но вот так, пятерых разом... Я хочу сказать – те двое у двери даже не успели понять, от чего умирают. Или за что.

– Скажи, Гард, – ровным голосом сказал Теор, – как ты относишься к работорговле?

– Негативно конечно же!

– И если бы тебе представился случай избавить мир от работорговца, ты бы сделал это, не задумываясь, почему он этим занимается? – продолжал Теор.

– Да, – уверенно ответил гном. – Рабство – это худшее, что можно сотворить с человеком... или гномом.

– Нет, – отрезал молодой наемник. – Жертвоприношение – вот самая страшная участь для невинных. И эти люди, – он кивнул в сторону поверженных противников, – за деньги помогали приносить в жертву детей. И для чего? Ради высшей цели? Нет. Исключительно для своего благосостояния.

– Мы не знаем их истинных целей, – слабо возразил гном.

– А они важны? – спросил Теор, глядя напарнику в глаза.

– Нет... нет, не важны, – согласился Гард. – Да, пожалуй, ты прав.

Наемники остались одни на поляне. Они подошли к черному каменному алтарю, запачканному пятнами засохшей крови. Гард стиснул зубы.

– Ублюдки! – воскликнул гном, представив, как на этом алтаре лишалась жизни очередная маленькая девочка. – Да, Теор, ты определенно прав. Все, кто творят подобное, заслуживают смерти.

Теор положил руку на плечо товарища.

Филда тем временем осматривала алтарь. Здесь имелись пара ритуальных кинжалов, чаша с какими-то измельченными корнями и простая свеча из воска в черном железном подсвечнике. Не обнаружив ничего полезного, чародейка подобрала амулет, который чародей обронил во время короткого сражения. Вещь представляла собой что-то вроде большой, размером с кулак, броши в виде капли крови, с черной заглавной буквой «А» общепринятого языка.

– Что это такое? – поинтересовался Гард, разглядывая амулет.

– Сейчас выясним.

Чародейка положила брошь на ладонь и пару раз провела над ней другой ладонью.

– Жуткое здесь место, – поежившись, заметил гном, осматривая окрестности.

Под ногами лежала сплошь голая земля, лишь кое-где из нее неуверенно пробивалась трава, но и та была какая-то коричневая и жухлая. Поляну окружал густой лес, но и он был под стать мелким растениям. Голые деревья без единого листочка, чьи извилистые кривые стволы и тонкие ветви были похожи на когти какого-нибудь страшилища, да невысокие кустарники, такие же сухие и скрюченные, как деревья.

– Эта земля проклята, – сказал Теор, тоже осматриваясь. – Возьми горсть ее и разотри между ладонями.

Гард последовал совету. И был крайне удивлен, когда обычная с виду почва оставила на его широких ладонях черную сажу.

– Это пепел проклятых, – сказал Теор, наблюдая за гномом. – Я уже сталкивался с таким. Однажды.

– Скверно, – скривился Гард, вытирая руки об штаны. – Ну и как нам избавиться от этой

заразы?

– Как справиться с проклятием? – удивился Теор. – Насколько мне известно, никак. Мы можем покончить с абаасом, со старостой, со всей его стражей, но эта земля так и останется проклятой. Даже эльфы со своей живородящей магией не смогут оживить ее.

– Ну а ты что скажешь, Филда? Ты же у нас чародейка как-никак. – Гном хотел услышать все мнения.

– Теор прав, – ответила она, не отрываясь от изучения броши в виде капли крови. – Мы можем лишь... – Неожиданно предмет с шипением воспламенился, и Филда невольно выронила его.

– Это не к добру, верно? – спросил Гард, хватаясь за рукоять своей секиры.

– Абаас рядом! – крикнула чародейка.

Из леса, ломая на своем пути деревья, вышло каменное существо. В целом оно походило на обезьяну, закованную в черную каменную шкуру. Роста в абаасе было не меньше семи футов, а по ширине он не уступил бы стволу кряжистого дерева. Передвигался абаас на двух массивных ногах, руки же его были вдвое длиннее и почти доставали до земли. Каждая из них заканчивалась четырьмя длинными саблевидными когтями, что заменяло ему кисть.

Лицо абааса лишь отдаленно напоминало человеческое: два глаза без зрачков, светящиеся желтым; сильно выступающие вперед каменные брови и скулы; плоский нос без ноздрей и широкий рот без губ с двумя рядами длинных железных зубов. Зубы, как и когти, выглядели так, словно их всего пару минут назад отшлифовали до блеска точильным камнем.

– Стойте, так это и есть абаас? – воскликнул Гард. – Когда вы говорили про злого духа, я думал, это будет всего-то какая-нибудь облезлая кошка с безумным взглядом или там тень, или еще чего в этом духе, а не эдакое страшилище!

– Это не просто дух, Гард, – ответила Филда, – это дух, облеченный собственной плотью.

Теор меж тем натянул тетиву и выстрелил. Облечен этот дух плотью или нет, а одолеть его необходимо. Стрела вонзилась в каменную грудь примерно на ладонь, но абааса это не остановило. Издав утробный рык, он направился к наемникам.

– Теперь мой черед! – Гард кинулся на каменного монстра, замахиваясь секирой.

Увернувшись от когтистой лапы абааса, гном ударил противника по ноге. Сталь со скрежетом высекла сноп искр, брызнула каменная крошка. На теле абааса осталась лишь едва заметная отметина.

– Вот так, значит, да? – Гард намеревался ударить второй раз, но каменный дух неожиданно развернулся и взмахом длинной руки опередил гнома. – Уфф... – вырвался у наемника вздох от удара.

Гард отлетел в сторону и покатился по земле, выронив секиру. На помощь гному подоспел Теор. Флисса прочертила в воздухе крест-накрест две линии, и на спине абааса остались две заметные борозды. Меч Теора наносил духу, закованному в камень, не больше ущерба, чем секира гнома, ведь руны на клинке наемника предназначались для отражения магии, а никак не для разрушения существ, ею порожденных.

Абаас размахивал руками, тщаь разрезать дерзкого человека на куски, пытался затоптать его своими мощными ногами, а то и просто нагнуться и перекусить жертву пополам. Однако все действия каменного духа были неуклюжими и довольно медлительными, что давало молодому воину несомненное преимущество. И все же единственное, чего мог добиться Теор, это удерживать духа на одном месте.

– Филда! – крикнул чародейке поднявшийся на ноги гном. – Ты не хочешь нам помочь?

Ответа не последовало. Гард видел, что девушка опустилась на одно колено и производила странные манипуляции на земле.

– Филда! – надрываясь, крикнул Гард и только теперь заметил, что наемница чертит на земле замысловатую фигуру. В руке ее поблескивал серебряный нож.

– Сдерживайте его. – Филда говорила едва слышно, но ее голос словно эхо разносился по поляне. Знающие люди сказали бы, что голос чародейки сейчас наполнила магия. – По моей команде заманите его в магический круг.

– Всего-то, – ухмыльнулся Гард, спеша Теору на подмогу.

Хотя помощь наемнику, похоже, не особо и требовалась. Гард как замороженный наблюдал за тем, как его напарник сражается с каменным духом. Гном прежде не видел, чтобы человек так грациозно и стремительно двигался во время выпадов и уклонения от ударов противника. Другое дело эльфы. У них подобные таланты имелись от природы. Так может, Теора учили сражаться именно они?

Гард тряхнул головой, прогоняя из нее неуместные сейчас размышления, и вступил в бой. Теперь к длинным саблевидным когтям и флиссе в этом танце смерти добавилась двухсторонняя секира.

Гард и Теор буквально приковали абааса к одному месту. Тот лишь беспомощно крутился, пытаясь достать наемников своим арсеналом для убийств.

– Готово! – наконец эхом пронесся над поляной облегченный взглас девушки.

Начерченный чародейкой круг светился мягким голубым сиянием, а по линиям вписанной в него магической фигуры пробегали белые электрические разряды. Сама же наемница стояла чуть поодаль, вытянув руки к кругу. Ее ладони были раскрыты напротив друг друга, и от них исходило такое же голубоватое свечение, как и от контура круга.

Не переставая орудовать клинками, Гард и Теор встали плечом к плечу и начали медленно отступать в сторону магической фигуры. Абаас направился вслед за ними, не прекращая попыток достать своих жертв длинными острыми когтями. Когда наемники проходили через круг, Гард ничего не почувствовал, а вот Теор ощутил легкое покалывание во всем теле, но стоило им миновать начертанную фигуру, как это ощущение исчезло.

Ничего не подозревающий абаас наступил одной ногой на светящийся круг, и в то же время неизвестно откуда налетевший порыв ветра взметнул красные волосы Филды вверх. На лбу чародейки россыпью бисера проступил пот. Стоило каменному духу полностью зайти в круг, как наемница в тот же миг сомкнула ладони, и из магической фигуры вверх вознесся столб обжигающего пламени. Гард невольно прикрыл лицо рукой.

Абаас, охваченный магическим огнем, завопил как раненый зверь. Каменный дух пытался освободиться, в агонии извиваясь всем телом, но заклинание надежно держало его внутри круга. Через пару секунд огонь заполнил всю начертанную фигуру, превратившись в сплошную стену пламени, полностью скрывшую абааса из виду.

Когда огонь опал, обнажив линии выжженной земли, что еще недавно были контуром магической фигуры, от абааса осталась только куча безжизненных камней.

– Что ты с ним сделала? – спросил Гард. Гном подошел к куче камней и потыкал их кончиком лезвия секиры. – Я не эксперт, но этот, кажется, готов.

– Убила его, – тыльной стороной ладони чародейка вытерла со лба проступивший пот, – разорвала его связь с оболочкой, с телом. Для астральных существ, уже проникнувших в наш мир, это равно смерти.

– Ну вот, все получилось намного проще, чем казалось вначале, – резюмировал гном, явно довольный исходом сражения.

– Вынужден тебя разочаровать. Что мы будем делать с ними? – неожиданно спросил Теор, указывая флиссой в сторону алтаря.

На краю безжизненного леса стояли три абааса. Внешне они ничем не отличались от поверженного. Каменные духи застыли неподвижно, их глаза без зрачков были устремлены в сторону наемников.

– Мне казалось, абаас должен быть один? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Гард.

– Там, где один нашел лазейку, ее найдут и другие, – отозвался Теор.

– Мило, – скривился Гард. Заметив позади какое-то движение, он обернулся в сторону приземистой постройки, где был вход в подземный тоннель, по которому пришли наемники. – А этот-то тут что забыл?

На поляну вышел староста деревни. Его пухлое лицо покраснело от быстрой ходьбы, по той же причине мужчина тяжело дышал и одной рукой держался за правый бок. Однако стоило Булсу увидеть останки сраженного абааса и трех недвижных его сородичей-духов, как мужчина мертвецки побледнел.

– Что вы наделали? – сокрушался староста, обхватив голову руками. – Что вы наделали?! – закричал он срывающимся голосом.

– Избавили мир от детоубийцы, – пожал плечами Гард. – И сдастся мне, ты скоро отправишься вслед за ним.

– Избавились... – эхом повторил Булс, выпучивая глаза. – Да они нас всех съедят! – завопил он.

Староста, не обращая более внимания на наемников, вскинул руки высоко вверх и, что-то бормоча себе под нос, поковылял навстречу трем абаасам, все еще стоявшим неподвижно.

– Безумец. – Гном сплюнул на землю.

В паре футов от абаасов староста рухнул на колени.

– Нет, нет! Не нужно! – кричал он. – Я приведу к алтарю жертву, завтра же. Да-да! Завтра на рассвете, я клянусь...

Четыре когтя пронзили грудь мужчины. Абаас поднял истекающего кровью старосту высоко над землей и раскрыл свою зубастую пасть. Двое каменных духов последовали его примеру. Из рта старосты вырвался серебристый дымок, и тело повисло в воздухе. Но вот его дернуло, словно в агонии – раз, другой... и оно распалось на три равные части. Разделившееся серебристое свечение втянулось в раскрытые пасти монстров.

– Они его... – Гард пытался подобрать подходящее слово. – Они его сожрали?

– Высосали из него душу, – уточнила чародейка.

– Видимо, совсем изголодались, раз променяли детей на этого пухляка... – буркнул Гард себе под нос.

Тем временем абаас, убивший Булса, отшвырнул безжизненное тело мужчины в сторону, и все трое каменных духов двинулись к наемникам.

– А вам не кажется, что они хотят с нами проделать то же самое?

– Ты чертовски проницателен, Гард, – улыбнулся Теор.

– Ха! А я-то думал, что я один такой – кто шутит в опасные моменты, – усмехнулся гном.

– У меня есть идея, – заявил Теор, пряча флиссе в ножны и доставая из-за спины лук.

– Излагай, – сказала чародейка.

– Нужно заставить их максимально сблизиться друг с другом.

– Зачем? – удивился гном.

– Так нужно. Доверьтесь мне, – ушел от прямого ответа Теор.

– Тогда за дело! – Гард залихватски свистнул и, перехватив поудобнее секиру, двинулся вслед за молодым наемником навстречу абаасам.

Немного помедлив, Филда присоединилась к товарищам. Наемники растянулись полукольцом, окружая монстров.

Гард, как и в первый раз, наносил удары своей секирой. Филда посылала в каменных духов простые огненные шары, которые, как и оружейная сталь, не причиняли абаасам никакого вреда; но, разбиваясь об их каменную оболочку, магический огонь все же заставлял каждого отступить на шаг назад. Теор же полностью сосредоточил на себе внимание одного из абаасов, не нанося противнику ударов, а лишь избегая острых когтей и массивных каменных ног. И ждал удобного случая, чтобы совершить задуманное.

Вскоре Гарду с Филдой совместными усилиями удалось едва ли не столкнуть лбами двух абаасов, и тогда Теор, отскочив от монстра на достаточное расстояние, выпустил в него взрывную стрелу, которая вонзилась абаасу между глаз. Поначалу ничего не происходило, но прошла секунда, вторая – и наконечник стрелы взорвался, отбросив каменного духа назад. Абаас упал на своих сородичей, повалив их наземь.

Как и ожидал Теор, ущерба от взрыва каменный монстр не претерпел. Абаасы медленно поднялись. И все трое стояли достаточно близко друг к другу. Самое время воплотить идею в жизнь.

Рука метнулась за спину к колчану, пальцы сошлись на оперении нужной стрелы... Звякнула тетива, и стрела, рассекая воздух, устремилась к цели.

Наконечник стрелы вошел в грудь того абааса, которого чуть ранее отбросило взрывом. Теор опустил лук. Предчувствие подсказывало, что на этом сражение с троицей каменных духов закончено.

– Теор, это же не... – Гном осекся на полуслове.

В следующее мгновение из стрелы, торчавшей из груди абааса, вырвались несколько сгустков сизого дыма. Они быстро увеличились в размере, закручиваясь при этом в тугие спирали. Когда метаморфозы дыма прекратились, свитые из него жгуты обхватили всех трех абаасов, стянув их вместе, словно вязанку хвороста. Послышался жуткий треск, и дым сошелся в одной точке, разрезав тройку каменных духов на куски. В отличие от первого погибшего абааса, на этот раз ни один из них не издал ни звука. Все было кончено.

– ... сработает, – закончил фразу ошарашенный Гард.

Теор мысленно поблагодарил гнома-оружейника. Это была та самая его *особенная* стрела.

– Что это было? – Гард уставился на Теора.

– Скромный подарок от мастера Валаруда, – пожал плечами наемник.

– Видит Камень, я бы тоже не отказался от таких подарков, – усмехнулся Гард.

Чародейка подошла к останкам абаасов и, вытянув над ними раскрытую ладонь, едва слышно прошептала заклинание. Ничего не произошло.

– Похоже, ваш Валаруд практикует довольно мощную рунную магию, – заметила Филда.

– Это всего лишь технический прогресс, – гордо заявил Гард.

– Прогресс? – Брови чародейки вопросительно изогнулись.

– Ну да, – расплылся в широкой улыбке гном. – Никто не знает толк в оружии так, как гномы.

– Как и в рунной магии, – настаивала Филда.

– Женщина, кто не дает вам, людям, наносить руны на оружие? – всплеснул свободной рукой Гард. Он все еще держал секиру, хотя она и была уперта лезвием в землю.

Теор не слушал товарищей. Он словно замороженный наблюдал за тем, как из погибшего леса, в недрах которого было не сыскать ни единого живого листика, вышел абаас. Рука наемника, что уже убирала лук за спину, замерла. За первым духом вышел еще один, за вторым – третий, за ним – еще несколько. За то короткое время, пока гном с чародейкой успели обменяться всего парой фраз, на край поляны вышли по меньшей мере три десятка абаасов, и каменные духи продолжали прибывать.

– Ребята, – тихо сказал Теор, – у нас проблемы.

– Я их даже не почувствовала!.. – воскликнула потрясенная чародейка, оглядывая внушительный отряд абаасов, продолжающий увеличиваться в числе.

– Теор, у тебя много еще этих чудо-стрел? – спросил Гард.

– Она была одна.

– Филда, а твой магический круг? Сможешь еще раз начертить его? – Гард судорожно пытался найти выход из сложившейся ситуации.

– Концентрация энергии в круге такова, что...

– А попроще? – перебил гном.

– Один круг на одного духа.

– Проклятье! – в сердцах воскликнул Гард.

Он до хруста сжал зубы и двумя руками ухватил рукоять верной секиры, хотя понимал, что она была сейчас бесполезна. Чуть раньше гном обмолвился, что любит шутить в опасные моменты. И не всегда шутки эти были остроумными, но это никогда не останавливало его. Сейчас же Гарду было не до шуток. Даже будучи по жизни заядлым оптимистом, что не мешало ему частенько ворчать из-за всяческих мелких невзгод, гном считал, что сейчас у него с товарищами было немного шансов на победу. Он, во всяком случае, не видел выхода из западни, в которую они угодили.

Теор смотрел на абаасов, заполняющих дальнюю от входа в тоннель часть поляны, и подметил, что чудища появляются только с одной стороны. Неожиданная догадка, словно вспышка света, озарила сознание наемника.

– Филда, – обратился он к сестре. Но та, похоже, не слышала его. Она будто в трансе, не моргая наблюдала за воинством абаасов. – Филда! – Теору пришлось взять чародейку за плечи и легонько встряхнуть, но это не возымело никакого эффекта. Тогда он встряхнул девушку более настойчиво. – Филда, да очнись ты!

– Да... да, что? – Чародейка наконец вышла из оцепенения.

– Каким образом такое количество абаасов может проникнуть сюда из астрала и обрести при этом плоть?

– Я... я не знаю, – покачала головой Филда.

– Подумай, – настаивал Теор. – Вспомни спираль из серебряных пластин. Это ведь не простая защитная магия и предназначалась наверняка не для одного духа. Ты еще тогда сказала, что в этой деревне что-то привлекает абааса. Вспомни, что говорил Сэлус. Колдунья в древности призывала духов для защиты деревни. Не одного духа, а многих. Я знаю, что это магия не из рядовых. Должно же быть что-то, подумай!

Чародейка казалась растерянной. Секунду-другую она размышляла, закусив губу.

– Брешь! – осенило Филду. – Ну конечно же брешь в материи! Только через нее в мир могут проникнуть так много астральных существ.

– Как ее закрыть?

– Любым физическим воздействием.

– А именно?

– Можно разрубить обычным оружием, – пояснила Филда.

– Это хорошие новости, – обрадовался Гард. – Но где нам искать эту брешь?

– Она там. – Теор указал на сложенный из больших необтесанных камней высокий широкий дольмен, который виднелся позади толпы абаасов.

Гард невольно выругался. Сооружение из камней возвышалось над лесом, его было видно даже через головы многочисленных абаасов. Почему наемники не заметили его раньше?

– Магия абаасов скрывала дольмен от нас. А теперь все их силы уходят на воплощение, и защитные заклинания ослабли, – ответила Филда на не высказанный вслух вопрос.

Между тем несколько абаасов, предвкушая скорую трапезу, раскрыли пасти, усеянные длинными железными зубами, и двинулись к своим потенциальным жертвам. За ними потянулись остальные, растягиваясь нестройной линией.

Теор выстрелил в ближайшего к нему каменного монстра. Стрела вошла тому прямо в глаз, но он продолжал шагать, ничего не замечая. Тогда наемник выстрелил в другого абааса, вогнав стрелу в его оскаленную пасть. Стрела застряла меж двух железных зубов. Абаас замотал головой и, взмахнув несколько раз руками, попятился назад. Каменный дух наткнулся на своего сородича, мерно шагавшего позади, и, столкнувшись, они вдвоем повалились на землю.

– Гляди-ка, ему явно не понравилось! – воскликнул гном.

– Надо закрыть брешь! – напомнила Филда.

– Нам будет сложно пробиться к дольмену. – Гард считал, что это и так очевидно, но напомнить друзьям было нелишне.

– Вам и не нужно, – ответил Теор, пряча лук за спиной и обнажая флиссу. – Сможете их задержать?

– Да, но... что ты задумал?

Теор лишь улыбнулся и побежал к дольмену. Наемник с кошачьей ловкостью лавировал между громадами тел абаасов, уклоняясь от многочисленных железных когтей. Несколько каменных духов едва не достали его, но Теор отразил их удары флиссой. Он уже достиг первых деревьев, но, уходя от очередного взмаха смертоносных когтей, не заметил торчащий из земли человеческий скелет. Споткнувшись о ребра, наемник кубарем покатился по голой земле, лишь чудом не врезавшись в дерево или абааса. Меч отлетел куда-то в сторону.

Когда тело остановилось после бешеной круговерти, Теор был готов рывком вскочить на ноги и продолжить движение, но было уже поздно. На него опускалась гигантская каменная стопа, Теор не успевал ни откатиться в сторону, ни каким-то иным способом защититься.

Наемник невольно зажмурился, ожидая в следующее мгновение услышать хруст ломающихся костей. Своих костей. Но... ничего не произошло.

Открыв глаза, он увидел ступню абааса, застывшую всего в нескольких дюймах от его лица. Теора окружало едва заметное голубоватое свечение, которое и преградило путь абаасу. Магический щит! Наемник мысленно поблагодарил сестру за помощь и быстро перекатился

в сторону, позволяя Филде погасить заклинание.

– Давай, Теор! Беги! – донеслись с поляны выкрики Гарда, тут же заглушенные звуками ожесточенного сражения с превосходящим по численности противником.

Оказавшись на ногах, Теор снова побежал. Думать об утраченной флиссе было некогда. Чем дальше в лес он углублялся, тем отчетливее виднелась громада дольмена. Но в то же самое время, чем дальше продвигался наемник, тем больше усилий у него уходило на то, чтобы оставаться в живых. Спасало его то, что большинство абаасов теряли к нему всяческий интерес, стоило лишь их миновать.

Но даже с учетом этого воину приходилось туго. Когти проносились в считанных дюймах от тела, под мощными ударами абаасов падали сломанные деревья, каждое из которых норовило если не похоронить под собой человека, то как минимум задержать его и дать каменным духам возможность прервать его существование.

Теор упорно продолжал двигаться к дольмену. Флиссе заменил лук, но вскоре наемник лишился и его – сильный удар абааса выбил оружие из рук. В итоге из всего вооружения остался лишь колчан со стрелами. Каким образом уничтожить брешь, Теор еще не знал. Чем ближе он был к каменной постройке, тем больше увеличивалось количество каменных духов.

И вскоре наемник понял почему.

Когда Теора от дольмена отделяло не более десятка футов, молодой воин увидел, как из светящегося узкого входа в каменную постройку вылетают небольшие сгустки пульсирующей энергии кроваво-красного цвета. Оказавшись на свободе, эти огоньки устремлялись к одному из многочисленных черных камней, что грудями валялись по обе стороны от входа. И каждый из камней внешне был очень похож на младенца, крошечными ручками обнимавшего свои коленки. Стоило сгустку энергии войти в каменного ребенка, как тот увеличивался в размерах, трансформировался, и вскоре каменный зародыш принимал окончательный вид глыбы-чудища с духом-абаасом внутри.

Зазевавшись, Теор получил ощутимый удар когтями от одного из абаасов и отлетел в сторону. Из рваной раны на левой руке брызнула кровь. Теор вскочил на ноги и обнаружил, что его уже окружают противники. Казалось, что пути для отступления не оставалось, но молодому наемнику было не привыкать находить выход из подобных ситуаций. Воин нырнул в проем между ногами одного из каменных духов, и вовремя отпрянул в сторону – абаас позади него рухнул на землю, получив мощный удар от собрата, пытавшегося достать наемника.

Каменные духи, кажется, поняли-таки замысел наемника и попытались преградить вход в дольмен.

Теор успел первым. Уклонившись от очередных когтей, которые его едва не обезглавили, Теор в три прыжка оказался возле дольмена и юркнул в проем за миг до того, как на место, где он находился, опустилась рука абааса, глубоко войдя в землю.

Вход в дольмен был слишком узким для каменных монстров, но те и не пытались просто войти. Они стали наносить яростные удары по трем камням, образующим арку входа. Теор не знал, как долго древние камни продержатся под таким напором, и потому, отрешившись от преследователей, поспешно огляделся. Изнутри дольмен казался еще больше. Он был практически квадратным, не меньше девяти футов в ширину. А ведь обычно подобные сооружения строились древними жителями, населявшими некогда Серединный континент, иного размера – совсем крошечными.

Внутри дольмена не было ничего, кроме широкого каменного постамента в форме круга,

расположенного в самом центре. Над постаментом, не касаясь его, парила та самая брешь, о которой упоминала Филда. Словно дыра в ткани, рваная рана в материи мира пульсировала, выталкивая из своего чрева абаасов в виде сгустков энергии. Внутри бреши проглядывался бушующий кровавый океан астрала. Именно таким его описывали маги, хотя Теору подобное раньше видеть не доводилось.

Наемник не собирался размахивать стрелами, тщась расцедь брешь в надежде, что это даст результат. Посему Теор видел лишь один способ разрушить брешь. Он наспех стянул с себя разорванную когтями абаасов кожаную куртку. Несколько глубоких обильно кровоточащих порезов спускались от плеча до самого локтя, но лечением он мог заняться только позже.

Наемник снял колчан, положив его возле постамента, и стал снимать свой кожаный доспех из шкуры саламандры. Огнеупорная кожа была как раз тем, что сейчас необходимо. Но липкими от крови руками было нелегко расстегнуть все боковые ремни доспеха.

Сзади послышался треск раскалывающегося камня. С потолка дольмена посыпалась каменная крошка.

Сняв наконец кожаный панцирь, Теор выхватил из колчана последнюю оставшуюся у него взрывную стрелу и невольно обернулся. Один из абаасов уже вошел в дольмен через заметно расширившийся вход.

У Теора не оставалось больше времени на раздумья или сомнения. Он со всей силы вонзил стрелу в постамент прямо под брешью.

Наемник едва успел присесть, прикрывшись кожаным доспехом, когда в дольмене прогремел взрыв. Теора с силой швырнуло в сторону, но его полет резко прервался. Наемник ударился обо что-то твердое и рухнул вниз.

Сознание помутилось. Молодой воин еще слышал грохот камней, что обрушивались совсем близко от него, извергаясь откуда-то сверху. Хоть и смутно, но Теор все же успел ощутить сильный жар и резкую боль, пронзившую тело, когда сознание вырвалось-таки из-под его доселе бдительного контроля и растворилось в безмолвной темноте.

Глава 6

Шеша

Благодаря заклинанию Мартериуса кожа старого чародея стала каменной, поэтому он не сломал ни единой кости, врезавшись на чудовищной скорости в ствол первого же попавшегося на пути дерева. Вместо этого чародей снес по меньшей мере еще полтора десятка ни в чем не повинных деревьев, прежде чем рухнуть на землю. Удар от такого падения взметнул вверх целый фонтан земли.

В какой-то момент Мартериус потерял контроль над заклинанием и едва весь не обратился в камень. Старому чародею пришлось срочно гасить заклинание, и, разумеется, не обошлось без последствий. Судя по ощущениям, он таки сломал несколько ребер при падении: левая рука висела плетью, вероятно тоже сломанная, и ко всему прочему из носа у чародея хлынула кровь.

Заниматься своим здоровьем Мартериусу было некогда, но израненное тело могло пагубно повлиять на сотворенные заклинания. Поэтому чародей заглушил любую возможную боль, которую мог испытывать организм от нанесенного ущерба, и влил в него немного магической энергии, превращая последнюю в своего рода дополнительные жизненные силы.

Мартериус уже знал, кто оказался его очередным противником, и это не предвещало для него ничего хорошего. В его сторону двигался огромный змей, не меньше шести человеческих ростов. На раздувающемся как у кобры капюшоне громоздилось бесчисленное множество змеиных голов. Настоящее сонмище ядовитых клыков, которые змей хищно продемонстрировал своей будущей жертве, раскрывая множество пастей, и не меньше раздвоенных языков, что с шипением высовывались из тех челюстей, что пока еще были сомкнуты.

Шеша. Тысячеглавый демон.

Ось сущего. Мировой Змей.

У этого создания было много имен, и каждое из них он носил по праву.

Однако на Мартериуса надвигался сейчас не сам Шеша. Не совсем. Истинный Мировой Змей размерами превосходил любую из Мировых Сфер. Перед чародеем предстал лишь один из аватаров тысячеглавого демона, его физическая манифестация, которая была лишь жалкой тенью своего прототипа. И все же менее опасным это его не делало.

Самый достойный страж из всех, что нагийский царь мог позволить себе поставить на охрану входного портала в его город. Но и Мартериус не был бы собой, если б не имел преимущество в предстоящем бою. Он знал, как одолеть эту версию Шеша.

Проигнорировав всяческие последствия и возможный риск, Мартериус пошел в лобовую атаку. Ему было необходимо прощупать защиту своего врага.

Старый чародей начал поединок с простого, но очень мощного огненного заклинания. Из воздуха соткалась исполинская плеть сплошь из раскаленной магмы и что есть сил хлестнула тысячеглавого змея прямо в раскрытый капюшон. Пламя зашипело, встретившись с плотью своей жертвы, тщетно пытаясь поглотить на вид ничем не защищенную змеиную шкуру. Огонь стек по гладкому телу Шеша, а магматическая плеть распалась серым пеплом. На перламутровой чешуе змея не осталось ни следа.

Ответ последовал весьма внушительный.

Тысячеглавый демон не стал исхитряться и атаковал чистой магической энергией, воплощенной в подобие незримого тарана. Мартериус закрылся особым магическим щитом, который отразил лишь часть направленной Змеем магии, оставшуюся же часть он поглотил, передав под контроль самому чародею.

И тот воспользовался полученной энергией сполна.

Земля под телом змея расступилась, разверзая свои недвижимые в естественной среде пласты, и вновь сомкнулась над головами пойманного в ловушку Шеша. Мартериус на этом не остановился, и вторым заклинанием обрушил на западню вместе с заключенным внутри пленником ледяную бурю.

Лед выкачивал тепло из самого воздуха. Мартериус невольно поежился, несмотря на защитные чары.

Как и огонь, две другие стихии не причинили противнику никакого вреда. Шеша вырвался из созданной западни, рассеивая и буквально разметаая в стороны атакующие чары старика.

Теперь Мартериус четко знал, что стихийная магия здесь бесполезна. Он перебирал в голове все доступные ему приемы магических школ, когда Шеша сам перешел в атаку. На этот раз его магия воплотилась в виде огненных колонн, вырастающих прямо из земли. Чародею пришлось с помощью магии ускорить свои движения и реакцию до немыслимого уровня, чтобы только успевать избежать очередного столба огня, рассекающего плоть земли и достигающего невообразимой выси за доли секунды. О том, чтобы отражать такие атаки, не было и речи, настолько неодолимая мощь вкладывалась противником в каждое заклинание.

Увернувшись от очередной огненной колонны, Мартериус послал в Шешу сгусток гниelisto-зеленого тумана, обретшего во время движения форму человеческого черепа с раскрытой в немом крике челюстью. Единственное заклинание из разряда некромантии, что было ему известно.

На этот раз Шеша не принял удар грудью. Мировой Змей сотворил щит из желтых молний, который поглотил туманный череп и рассеялся сам.

Мартериус в сердцах прошептал проклятие. Некромантия определенно не нравилась Шеше и могла причинить ему вред. Но Мартериус ею не владел в полной мере, зная лишь одно заклинание, которое и использовал.

Мировой Змей вновь перешел в атаку. Но в этот раз применил уже не магию. Многочисленные пасти открывались, и специальный карман в верхнем небе каждой из змеиных голов выстреливал струю смертоносного яда.

Мартериус прикрылся абсолютным магическим щитом, который должен был отразить любой физический или магический урон. Но ярко-желтая ядовитая жидкость прожигала щит едва ли не насквозь. Чародею приходилось рассеивать использованный щит и тут же ставить новый.

Возможно, на руку Мартериусу сыграло сложившееся положение, но именно в тот момент, когда он в бесчисленный раз убирал очередной щит, чтобы без промедлений заменить его новым, в его мыслях и родился новый план. Мартериус, погасив заклинание абсолютного щита, создал тугую струю уплотненного воздуха и послал ее по дуге так, что конечной целью являлся он сам. Порыв стремительно движущегося воздуха подхватил тело старого чародея и швырнул в сторону прежде, чем яд Мирового Змея успел бы поразить его. Уже находясь в воздухе, Мартериус метнул в противника им же сотворенное призрачное копьё.

Магия сотворения призрачных объектов по своей сути была очень близка к некромантии, но все же ею не являлась. Посему Мартериус надеялся, что она сможет причинить тысячеглавому змею сколько-нибудь ощутимый урон.

Так и вышло.

Призрачное копье вонзилось в раскрытую змеиную пасть и вместе с ней взорвалось фонтаном кровавых брызг. Радуюсь успеху, Мартериус совсем позабыл, что сейчас упадет, и не успел вовремя обеспечить себе мягкое приземление: рухнул на землю, причем большую часть удара приняла на себя сломанная рука. Боль, что способна была вышибить из равновесия даже сильное сознание, тараном обрушилась на сдерживающие ее прежде заклинания. Мартериус вновь успел заглушить боль, но лишь в самый последний момент, едва не утратив контроль над своим старым телом.

Теперь чародей знал, что нужно делать. Здоровая рука уже выписывала в воздухе замысловатые руны, а губы беззвучно шептали слова заветного заклинания. На миг тело старика окуталось серебристым свечением, и возле него возникла его точная копия. Только она была такой же призрачной, как и оружие, сотворенное Мартериусом чуть ранее. Двойник чародея сжимал в руках пару призрачных клинков и тут же бросился на Шешу, замахиваясь ими, но тот извернулся и легко перекусил полупрозрачную фигуру одной из пастей. Призрак издал глухой вскрик и растаял в воздухе.

Но Мартериус продолжал творить заклинания одно за другим. И вот рядом с ним появились три призрака-копии, затем их стало пять, через секунду – уже десять. Призраки множились, и каждая копия Мартериуса, едва материализовавшись подле него, сразу же вступала в ожесточенный бой со стражем портала.

Призраки буквально облепили змея так, что за их полупрозрачными телами его почти не было видно. Призрачная сталь клинков мелькала, отсекая одну змеиную голову за другой, но и Шеша убивал противников с поразительным проворством. Мартериус едва успевал творить новых призраков, чтобы число убитых Шешей не превысило количество вновь созданных.

От напряжения у чародея вновь пошла кровь из носа. Через несколько минут она уже текла из ушей и сочилась из глаз. Когда под натиском призраков у Шеси осталось не более полусотни голов, кровь стала просачиваться через каждую пору на лице старика.

Мартериус едва успел вовремя погасить свои заклинания и собственноручно уничтожить оставшихся призраков. Если бы его копии отсекли стражу портала все головы, Шеша все равно бы не умер, со временем регенерировавшись. Но портал при этом так и остался бы закрытым. Нет, необходимо было оставить Мировому Змею одну голову.

Собрав остатки сил, Мартериус наложил на Шешу сильное заклинание временного паралича, которое не только обездвижило змея и не позволило пользоваться магией, но и замедлило его регенерацию. Защититься от наложенных чар страж портала уже не мог – с единственной уцелевшей головой он не превосходил по силе смертного чародея средних способностей. Змей повалился на землю и остался лежать недвижимо.

Позади поверженного Шеси ярящимся пламенем вспыхнул круг портала.

Мартериус сделал шаг по направлению к нему и рухнул на колени. Старый чародей выглядел просто ужасно. Его лицо покрывала еще не запекшаяся кровь, отчего любой менестрель или бард, увидь он старика сейчас, непременно окрестил бы это лицо «ликом самой смерти». В крови были и руки чародея – что сломанная, что здоровая.

Расстояние, отделявшее его от портала, Мартериус преодолел ползком, оставляя на лесной траве кровавые следы. Он едва волочил израненное тело, подтягиваясь

неповрежденной рукой.

Когда старый чародей наконец вполз в бушующее чрево открытого портала и магическая дверь между мирами захлопнулась за ним, он, уже не в силах сдерживать боль заклинаниями, погасил сотворенные чары. Боль бушующим вихрем ворвалась в его естество, в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Глава 7

Серая хмарь

Серая хмарь возникла внезапно, надвинувшись на него сплошной непроницаемой стеной. Еще секунду назад вокруг не было совершенно ничего, а через мгновение все осязаемое пространство заполнил густой серый туман, висящий в пространстве влажными рваными хлопьями. Более того, до появления этой субстанции он даже не осознавал своего существования. Теперь же он видел и мог мыслить.

Но кто он? И что это за место? Откуда-то из невообразимой дали времен и пространств пришло понимание, что он – разум, человеческое сознание. Значит, он был человеком когда-то? Или все еще им остается? Нет, не похоже. У него даже тела нет. Только сознание. Сознание, не имеющее ни одного воспоминания. Лишь способность осознавать окружающую действительность. Действительность, смысл которой он пока не понимал.

Он решил оглядеться. У него не было ног, чтобы передвигаться, не было головы, чтобы менять ракурс видимого, да и глаз, чтобы видеть, не было. И все же он *видел*. А стоило ему захотеть углубиться в серую хмарь, как сознание послушно поплыло вперед, раздвигая собою туманные хлопья.

Тщась увидеть хоть что-то, он все двигался и двигался в глубь серого тумана. Но безрезультатно.

Не было видно ни конца ни края этого серого, не имеющего пределов пространства. Тогда он остановился, и что-то внезапно изменилось. Туман прямо перед ним подернулся, словно мираж, и раздался в стороны, открывая невероятно красочную картинку. В невесомости парил младенец, аккуратно закутанный в красную шелковую ткань, гладкую и блестящую, откуда торчала одна лишь головка ребенка. Младенец лежал неподвижно. Но вдруг повернул свою крошечную головку и взглядом маленьких глазок, в котором читается отнюдь не детская сознательность, встретился с ним, с бестелесным разумом.

Он не знает, сколько времени это длится. Он смотрит на младенца, а тот в свою очередь смотрит на него не мигая. Наконец уголки губ ребенка подаются в стороны и чуть вверх. Дитя улыбается чистой светлой улыбкой, какая бывает только у младенцев.

Ребенок улыбается. Не просто улыбается, а улыбается *ему*.

Он хочет улыбнуться в ответ, но вспоминает, что не обладает телом. И тогда делает то, на что сейчас способен. Он смотрит, видит и анализирует.

Почему он видит младенца? Знает этого малыша? Или это он сам в младенчестве? Он приходит к выводу, что видит этого ребенка не случайно. За этой картиной что-то сокрыто. В то же время странно, что он ничего не ощущает по отношению к ребенку. Ни привязанности, ни злости. Ни любви, ни ненависти. Нет даже равнодушия или отрешенности. Но разве может быть так, если они с младенцем как-то связаны?

Ребенок тем временем перестает улыбаться. Его личико принимает серьезный вид. Он медленно кивает, совсем по-взрослому, и отворачивается. Что все это значит?

Не успевает он обдумать увиденное, как откуда-то сверху, яростно разметая в стороны серую хмарь, к свертку с младенцем опускается большой шар ярящегося пламени. Сфера обжигающего невыносимо яркого огня. И сфера направляется прямоком к ребенку.

Она же сожжет ребенка! Эта мысль повергает его в шок. Он по-прежнему ничего не

чувствует по отношению к младенцу, но это не значит, что хочет его смерти... Он хочет закричать, но не может. Он хочет помешать пламени свершить злодеяние, но не знает как.

Впрочем, совсем скоро он понял, что ошибался насчет огня. Для ребенка тот не представлял никакой угрозы, а как раз наоборот. Пламя шар опустился рядом с завернутым в тонкую ткань младенцем и заботливо окутал его облаком маленьких огненных всполохов, что исходили от его тела. Младенец засмеялся, когда одна из огненных частиц скользнула по его детской щечке.

Он наблюдал за этой сценой с невольным удивлением. Огонь не только не обжигал кожу ребенка, но, кажется, приносил ему умиротворенность, которую дети могут испытывать только в объятиях родительских рук.

– Чаелл. Мин чаелл! – разносится по серой хмари голос пламенного шара.

Он не понял значения слов и не смог определить, к какому полу относился говоривший. Но в одном был уверен: голос исходил прямо из пламени. И произнесено все было с неподдельной нежностью.

Означало ли это, что огненный шар был живым существом, как-то связанным с младенцем или с ним? Или, быть может, все это лишь образы, несущие тайный смысл?

В это мгновение пламя заметило его. Шар ярящегося огня отпрянул от младенца и стал приближаться к нему. Он мог пожелать отдалиться, продвигаясь по серой хмари, как делал это ранее, но что-то заставляло его неотрывно смотреть на бушующую огненную стихию.

– Тебе... нельзя... этого... видеть... – услышал он.

На этот раз он понял каждое слово. Они срывались с пламенного шара и шорохом разносились вокруг него. Обволакивали его. Когда же пламя приблизилось к нему настолько близко, что заполнило собой все доступное его видению пространство, он понял, что для него это не просто огонь или необычное пламенное создание. Что-то до боли знакомое было в этом. Что-то, что он видел впервые, но в то же время знал уже очень давно.

– *Прочь!* – громоподобный крик заставил задрожать все вокруг.

На мгновение его взор помутился, а когда все прошло, огня пред ним уже не было. Нет, вместо этого он увидел русоволосого юношу с обильной россыпью веснушек на лице. Тот прятался в кроне высокого дерева, сжимая в руках лук с наложенной на тетиву стрелой. Юноша кого-то ждал. И как только этот некто появился возле дерева, плавным движением юноша натянул, а затем отпустил тетиву. Коротко свистнув, стрела вонзилась волку в глаз, и лохматый хищник, не успев издать ни звука, повалился в густую траву.

«Это же я! – пронзает его догадка. Только в прошлом». – Неужели и в самом деле это он? Значит, он видит себя со стороны. Но почему? Почему его разум и его тело сейчас отнюдь не единое целое?

В отличие от младенца юноша его не замечает. Из серой хмари доносится угрожающее рычание, и оттуда появляется еще один волк, вдвое крупнее первого. Юноша перевешивает лук за спину и достает из небольших ножен на поясе изящный узкий нож. Волк оскаливает пасть с окровавленными клыками, с них капает красная от крови слюна. Юноша в свою очередь становится в боевую стойку. Волк крупнее молодого охотника и уверен в исходе схватки. Хищник бросается в атаку, раскрывая зубастую пасть. И вскоре падает на траву уже бездыханным. Юноша изловчился не только увернуться от волчьего броска, но и всадить по рукоятью нож ему в глотку.

К юноше подходит высокий мужчина. Его голову обрамляет настоящая грива вьющихся светло-русых волос. Широкие плечи и гордый стан выдают в нем умелого воина. Мужчина

кладет широкую ладонь на плечо юноше.

– Твоя первая охота на кровавых волков, сынок, – тихо звучат слова, произнесенные мелодичным мужским голосом.

Они продолжают стоять подле поверженных волков. Юноша и его отец.

Неожиданно видение исчезает. Он ждет, когда появится новая картина, но некоторое время ничего не происходит. Лишь серая хмарь и тишина окружают его.

Он решает двигаться, ведь именно это в прошлый раз привело к возникновению видений. Но и это не помогает. Он продвигается по плотному туману, кажется, уже целую вечность.

«Вовсе нет. Прошло не больше нескольких секунд», – раздалось неожиданно в его сознании. Он огляделся, но никого не увидел.

«Где ты?» – Он не может говорить, но может думать. Он старается передать беззвучное послание собеседнику.

«Я здесь», – последовал ответ. Серая хмарь перед ним в очередной раз расступилась, и он увидел колышущийся сгусток странной субстанции неопределенного цвета, лишь отдаленно напоминающий фигуру человека.

«Кто ты?» – задает он беззвучный вопрос появившейся фигуре.

«Я – то, что сокрыто в тебе».

«Что это значит?» – не понимает он.

«Я – тайна. Я – твоя сила и твое проклятие. Я – тот, кого они заперли в неволе, но кто смог приоткрыть дверь темницы».

Понятнее не стало.

«Ты – это я?» – пробует он задать вопрос по-другому.

«Нет. Но я – часть тебя», – следует ответ.

«Часть меня?»

«Именно. Иногда ты обращаешься ко мне за помощью».

«Но все же кто ты?»

«Я – Воин».

«И с кем ты сражаешься?»

«Это не важно. Важна лишь цель».

Вдруг окружающее начинает ходить ходуном, а серая хмарь закипает, источая жар. И в этот момент он увидел две огромные руки. Казалось, они занимают собой полмира. Руки определенно человеческие, но бледные и источающие мягкий белый свет. Они неумолимо приближались. Здоровенные ладони раскрылись, надвигаясь с двух сторон к нему и его собеседнику: уж не с тем ли, чтобы прихлопнуть их как мух?

«Скорее! Тебе нужно воздвигнуть защиту», – беззвучно говорит его странный собеседник.

«Воздвигнуть стену? Но как?»

«Просто *создай* ее. Здесь, в этом месте, ты можешь абсолютно всё. В отличие от них», – колышущаяся рука из неопределенной материи указывает на огромные бледные руки, которые продолжают неумолимо приближаться.

«Я не понимаю!» – возмущается он.

«Поторопись».

Он решает попробовать. И представляет себе высокую стену из каменных блоков, что тянется от горизонта до горизонта. Ничего не произошло.

«Не думай как человек. Помни: важен только результат».

Он не понимает, что конкретно хочет от него его призрачный собеседник, но все же цепляется за последнюю фразу. «Важно только результат». Он сосредоточивается на том, что нужно остановить руки неизвестного. Остановить их. Остановить!

Перед ним из ничего возникла гладкая стена, такая же серая, как и туман вокруг, но в отличие от хмари она была плотной и выглядела почти как настоящая каменная. Он заставил стену увеличиться в длину и высоту, в результате чего та заняла все пространство перед ним. Руки же, однако, не унимались. Глухой удар в стену, еще один, но гораздо сильнее. Снова удар, причем нанесенный с такой силой, что по стене зазмеилась трещина.

[Купить полную версию книги](#)